

**«ДЕЛО»
МИТРОПОЛИТА
ВЕНИАМИНА**

(Петроград, 1922г.)

**«ДЕЛО»
МИТРОПОЛИТА
ВЕНИАМИНА
(Петроград, 1922 г.)**

Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив»
Москва
1991

ББК 63.3(2)-713
Д 29

Публикуется впервые

Д 0503020500-004
А 19(02)-91

ISBN 5-86566-004-7

- © «Российский Архив», 1991 г.
- © Оформление. В. М. Мельников.
1991 г.
- © Предисловие, примечания.
И. Я. Авдиев, 1991 г.

Предисловие

Гонение на Церковь и расправы над священнослужителями, закрытие храмов и «изъятие церковных ценностей» началось с первых дней Советской власти. В кровавую багряницу оделась Православная Церковь России: первые новомученики предстали перед Престолом Божиим с молитвой за свой народ.

Патриарх Тихон в своем послании от 19 января (2 февраля) 1918 года обращался к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской: «Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семей христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению... или ограблению и кощунственному оскорблению...; чтимые верующим народом обители святые... захватываются безбожными властителями тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием... Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законной волею самого народа...»

В другом послании от 13 (26) октября 1918 г. Патриарх Тихон обращался к Совету Народных Комиссаров: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной „контрреволюционности“».

После Декрета об отделении Церкви от государства,

узаконившего негласное гонение на верующих, был издан циркуляр Народного Комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. о «проведении полной ликвидации мощей». Этим актом святотатства Советская власть пыталась спровоцировать Церковь на открытое выступление протеста и разгромить ее силой.

В 1921 году Советской властью была предпринята новая попытка уничтожить Церковь в России.

Голод, распространившийся по стране с 1917 г., за годы военного коммунизма, когда зерно, даже посевное, насильственно отнималось продотрядами, а крестьяне гибли в братоубийственной гражданской войне, перерос в бедствие для десятков миллионов людей. Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался мор. С Поволжья повальная смерть перекинулась на Сибирь, Крым, Южную Украину, Азербайджан, Киргизию...

В августе 1921 года Патриарх Тихон обратился с посланием ко всем русским людям и благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления. Патриарх просил Советскую власть разрешить образовать Церковный всероссийский комитет и епархиальные комитеты на местах, чтобы Церковь могла оказывать помощь голодающим. Разрешения не последовало, но Церковь продолжала собирать добровольные пожертвования, люди исполняли свой христианский долг. Спустя полгода, 23 февраля 1922 г., Постановлением ВЦИК было узаконено изъятие всех драгоценных предметов, не исключая священных сосудов, что по церковным канонам рассматривается как святотатство (73-е апостольское правило), а послание Патриарха было расценено как саботаж.

Петроградский Совет «кампанию по изъятию» начал с переговоров с Правлением Общества православных приходов, председателем которого был профессор по кафедре уголовного права Петербургского Университета Юрий Петрович Новицкий, молодой ученый. И члены Помгоса Петроградского Совета, и члены Правления Общества хотели избежать оскорбления религиозного чувства народа, стихийных, а может быть, и кровавых беспорядков. Митрополит Петроградский Вениамин принимал участие в переговорах.

5 марта 1922 г. митрополит Вениамин получил официальное приглашение на переговоры и 6 марта в Смольном вместе с юрисконсультom Лавры Иваном Михайловичем Ковшаровым вел переговоры с членами Помгола. Владыка представил комиссии Помгола заявление, где указывал, что Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние, включая и священные сосуды, но для успокоения верующих необходимо сознание народом добровольности этой жертвы и для достижения этой цели нужно включить в комиссию по изъятию представителей от церковных приходов. Заявление митрополита в Смольном было принято, и Владыка, почувствовав взаимопонимание, встал, благословил всех и со слезами на глазах сказал, что он своими руками снимет драгоценную ризу с образа Казанской Богоматери и отдаст ее на спасение голодающих братьев. 7 и 8 марта 1922 года в московской газете «Известия» появились сообщения об искреннем желании петроградского духовенства выполнить гражданский долг и Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 года.

19 марта 1922 года Ленин пишет секретную инструкцию, которая распространяется не только среди членов центральной власти, но срочно передается в местные советы. Инструкция предписывает провести «с максимальной быстротой и беспощадностью» подавление реакционного духовенства», ибо ситуация «представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹.

Митрополит Вениамин был потрясен, когда ему объявили, что ценности будут изъяты в формальном порядке как «принадлежащее государству» имущество. По своему пастырскому долгу он не мог благословить свою паству содействовать насильственному изъятию святынь.

---

¹ Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 190—193.

В Петрограде, сначала по глухим маленьким приходам, начался опнос имущества и конфискация. Народ возмущался, но серьезных беспорядков не было.

Второй удар, уже от «лжебратей» (2Кор., 11,26), создал условия для раскола Церкви. 24 марта 1922 года в петроградской газете «Правда» появилось письмо двенадцати священников: Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и др., в котором авторы обвиняли духовенство в контрреволюционности, в политической игре во время народного голода, требовали немедленной и безусловной отдачи советской власти всех церковных ценностей. На собрании духовенства священник Введенский заявил о разрыве с «реакционным» духовенством и создании «живой церкви». Перед «живоцерковниками», поддержанными правительством, открывалась реальная возможность захвата церковной власти в стране. Введенский вернулся из Москвы в Петроград к митрополиту Веннамину и заявил ему о церковном перевороте, аресте Патриарха Тихона¹ как саботажника, образовании нового верховного церковного управления и о назначении его, Введенского, депутатом от этого управления по Петроградской епархии.

Митрополит Веннамин отказался благословить раскол. На следующий день появилось постановление Владыки, объявлявшее Введенского находящимся «вне православной церкви». Большевистские газеты выдали участие властей в раскольных действиях живоцерковников: они обрушились с угрозами на митрополита Веннамина, призывая карающий «меч пролетариата» на его голову.

Но авторитет Владыки у народа был столь велик, что угрозы пока были только в газетах. Вскоре Введенский как депутат «революционного епархиального управления» явился к митрополиту и предъявил ему ультиматум: отменить постановление об отлучении его, Введенского, от православной церкви, в противном случае митрополит и его духовные спод-

---

¹ Патриарх Тихон с апреля 1922 года по июнь 1923 года находился под арестом и неоднократно вызывался свидетелем на московском процессе «54-х», который закончился одиннадцатью смертными приговорами.

вижники будут преданы суду как противящиеся изъятию церковных ценностей и погибнут.

Митрополит Веннамин понимал, что настал час выбирать: или смерть, или отменой постановления признать власть узурпаторов, «революционного управления» живоцерковников. Владыка ответил Введенскому категорическим отказом. Затем он надел на руку красные четки, какие надевал на богослужения Пасхи и в праздники святых мучеников, отдал необходимые распоряжения по епархии, попрощался с близкими людьми.

Изъятие ценностей в церквях Петрограда сопровождалось волнениями народа. В церкви Путиловского завода рабочие не позволили произвести изъятие. В других приходах при появлении советской комиссии ударяли в набат, созывая верующих оказать сопротивление. Народ проклинал кощунников и предательство «лояльного» к Советской власти духовенства.

Скоро митрополит Веннамин был арестован и помещен в дом предварительного заключения. Кроме него, к делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей были привлечены еще 86 человек.

Митрополит Веннамин был избран главой Петроградской епархии в 1917 году. Это был первый случай демократического избрания всем народом, особенно рабочими, митрополита на церковную кафедру. Петроградское население знало его доброту и сердечность: митрополит в простой монашеской ряске всегда спешил на окраины города крестить ребенка, напутствовать умирающего. Приемная его всегда была полна народа, и евангельски простой и возвышенный пастырь старался каждого выслушать, утешить, согреть.

В субботу 10 июня 1922 года, возле здания бывшего Дворянского Соборания на углу Михайловской и Итальянской улиц, где должны были проходить заседания петроградского революционного трибунала, собралась огромная толпа. Несколько десятков тысяч людей в благоговейной тишине ждали появления конвоя с митрополитом. Едва показалась передняя конная стража, люди встали на колени и запели: «Спаси, Господи, люди Твоя...» Митрополит со слезами на глазах благословил народ.

Трибунал заседал меньше месяца и 5 июля 1922 года присудил к расстрелу десять человек: митрополита Веннамина, архимандрита Сергия, Ю. П. Новицкого, И. М. Ковшарова, епископа Венедикта, прот. Н. К. Чукова, прот. Л. К. Богоявленского, прот. М. П. Чельцова, Н. Ф. Огнева и Н. А. Елачина. После ходатайств перед ВЦИК о помиловании, последним шести подсудным расстрел был заменен на долгосрочные тюремные заключения.

Свидетель последних минут жизни казненных рассказывал: «Новицкого угнетала мысль, что остается круглой сиротой его единственная 14-летняя дочь, и он плакал, просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы; Ковшаров издевался над палачами; отец Сергий громко повторял молитву «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят»; митрополит Веннамин тихо молился, крестясь...»

* * *

Насильственное изъятие церковных ценностей и погромы церквей вызвали народную волну сопротивления. Советская власть ответила репрессиями: две тысячи судебных процессов собрал урожай — расстреляно более десяти тысяч верующих и сотни тысяч отправлено в лагеря. Русская Церковь украсилась сонмом мучеников и исповедников, возносящих молитвы о спасении России перед Престолом Небесного Царя.

И. Авдиев

От автора

Предлагаемое читателям «Дело петроградских церковников» не является стенографическим отчетом известного процесса митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и др., не является и обработкой стенографического материала. Это просто — воспроизведение автором тех заметок и записей, которые велись им во время процесса, причем мысль об опубликовании их возникла впоследствии.

В этом смысле автор не претендует на стенографическую точность воспроизводимых записей, тем более что стенографический материал потребовал бы издания не маленькой книжки, а целого тома. Даже из имеющихся в распоряжении автора записей пришлось брать самое существенное, причем, во избежание повторений, расположить этот материал так, чтобы сущность дела выяснялась в порядке постепенности, по мере развертывания процесса. Для этого пришлось отказаться от мысли привести если не полностью, то хотя бы в подробных извлечениях, обвинительный акт, пришлось отказаться от подробностей допроса обвиняемых и свидетелей.

Само собой разумеется, что поскольку интерес процесса был сосредоточен на главных его персонажах, постольку приходилось останавливаться на всем, что касалось их и самого существа дела с большей подробностью, ограничиваясь в отношении второстепенных персонажей лишь краткими заметками.

Этим объясняется и то, почему воспроизведены не все и не в одинаковом объеме речи защиты, а также показания свидетелей.

Как уже сказано, мысль об опубликовании материала явилась после процесса, на котором автор присутствовал, не имея в виду издавать этот материал, — ввиду этого, возможно, что некоторые моменты процесса остались незафиксированными, возможно, что не все подробности его использованы, но общую картину и сущность процесса — автор надеется — ему удалось воспроизвести.

При изложении автор старался сохранить объективность, имея в виду, что этот материал, может быть, будет использован будущим историком русской церкви на ее переломе.

Глава первая

Сущность обвинения.—

Послание патриарха Тихона

и письма митрополита Вениамина.—

Правление Союза православных приходов.—

Обвиняемые

Данные, положенные в основу обвинительного акта по так называемому делу петроградских церковников, в общих чертах сводятся к следующему.

В связи с изданием декрета об изъятии церковных ценностей патриархом Тихоном 15 февраля ст. ст. было издано известное послание «Ко всем верным чадам Российской православной церкви», направленное против изъятия ценностей. Это послание было преподано митрополитом Вениамином духовенству как директива высшей церковной власти. Для выяснения условий практического проведения декрета в жизнь митрополит вступил в переговоры со Смольным, причем предъявлял ряд требований, на исполнении которых настаивал, как путем личных переговоров и переговоров через особо уполномоченных лиц, так и путем посылки писем. 6-го марта было послано первое письмо в Помгол, в котором, в виде условий, перечислялись эти требования; 13-го марта — второе письмо с шестью ультимативными пунктами. Между прочим, в одном из писем *насильственное* изъятие ценностей признавалось актом «кошунственно святотатственным».

Эти письма были использованы как орудие пропаганды, переписывались, распространялись, оглашались в некоторых церквях. Одно из них было опубликовано на лекции священником Забировским.

Кроме того, митрополит в конце февраля произнес в Лавре речь, которая была признана контрреволюционной, а 5 марта в алтаре Исаакиевского собора созвал особое совещание все по тому же вопросу.

Соглашение со Смольным было заключено, после чего было приступлено к изъятию ценностей, которое, однако, не везде прошло благополучно.

Так, 15-го марта у Казанского собора собралась большая толпа народа, которая, узнав о предстоящем изъятии, стала волноваться, грозить, были случаи антисоветской агитации.

14-го апреля у Иоанновской церкви 2-тысячная толпа ворвалась в кельи, начала бомбардировать комиссию по изъятию ценностей камнями, некоторые забрались на колокольню и стали бить в набат.

26-го марта у Рождественской церкви толпа была рассеяна лишь воинской силой.

21 апреля у Князе-Владимирской церкви совершено насилие над членами комиссии, то же самое 26 апреля у церкви Покрова и у Андреевского собора.

14-го марта толпа бушевала у церкви Скорбящей Божьей Матери.

16-го марта на Сениной площади, близ церкви Спаса многочисленная толпа произвела беспорядки, был избит представитель милиции.

30 марта у Знаменской церкви в толпе велась агитация против изъятия ценностей, сопровождавшаяся избиением милиции.

4-го мая трехтысячная толпа бесчинствовала около Путиловской церкви, причем были избиты члены комиссии.

Следственная власть, оставившись на предположении, что все беспорядки носят организованный характер, направила свои силы на установление той организации, которая играла в этом деле руководящую роль. В результате следствие пришло к заключению, что такой организацией является Правление Союза православных приходов, близко соприкасающееся с митрополитом Вениамином. По заключению следственной власти, это Правление в лице его активной группы, совместно с митрополитом вырабатывало текст его писем в Помгол, созывало собрания, причем протоколов не вело. Эти письма распространяло в целях агитации и пропаганды. Помимо обычных собраний, предусмотренных уставом, было собрание на квартире Аксенова, где обсуждались вопросы, связанные с изъ-

ятием ценностей. Результатом этой деятельности явились беспорядки и бесчинства у церквей и ряд случаев противодействия изъятию в различных формах.

На основании этого привлечены к ответственности по 62 и 119 статьям нового уголовного кодекса, предусматривающим применение высшей меры наказания, следующие лица:

1) митрополит Петроградский и Гдовский *Вениамин*, в мире *В. Казанский*, 49 лет;

2) бывший присяжный поверенный *И. М. Ковшаров*², 44 лет;

3) профессор уголовного права *Ю. П. Новицкий*³, 39 лет;

4) секретарь Правления православных приходов *Н. А. Елачич*⁴, 50 лет;

5) профессор богословия *В. Н. Бенешевич*, 47 лет;

6) настоятель Казанского собора *Н. К. Чуков*⁵, 52 лет;

7) священник Исаакиевского собора *С. И. Зинкевич*, 37 лет;

8) епископ Кроштадтский *Венедикт*⁶, в мире *Плотников*, 50 лет;

9) настоятель Троицкого собора *М. П. Чельцов*⁷, 52 лет;

10) профессор богословия *П. А. Карабинов*, 44 лет;

11) настоятель Исаакиевского собора *Л. К. Богоявленский*⁸, 51 год;

12) профессор военно-юридической академии *М. Ф. Огнев*⁹, 59 лет;

13) архимандрит *Сергий*, в мире *С. П. Шейн*¹⁰, 56 лет;

14) *Салетов*; 15) протоиерей Семеновской церкви *Бычков*; 16) настоятель церкви Спаса *Петровский*; 17) помощник секретаря канцелярии митрополита, ассистент политехникума *Парийский*.

Заключительная часть предъявленного им обвинения говорит о том, что митрополит Вениамин, состоя главой православной церкви в Петрограде, а остальные из перечисленных лиц — членами Православного

Общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым, заведомо для себя, в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, чем содействовали той части международной буржуазии, которая стремится к свержению рабоче-крестьянского правительства, — т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 62 и 119 уголовного кодекса.

Кроме того, по ст. ст. 72, 73, 77, 86, 119, 150, 180, 185 привлечены следующие лица: протоиерей и благочинный 9-го округа М. Ф. Союзов, настоятель Владимирской церкви П. А. Кедринский, священник церкви при консерватории А. М. Толстопятов, ктитор той же церкви С. М. Ляпунов, священник Спасо-Колтовской церкви Флеров, настоятель церкви Скорбящей Божьей Матери С. С. Никиташин, свящ. В. П. Семенов, Н. А. Комарецкий, настоятель церкви Покрова В. А. Акимов, настоятель Спасской церкви М. В. Тихомиров, П. П. Виноградов, А. М. Борисов, М. И. Перепелкин, Е. И. Закржевская, В. И. Изотов, А. Г. Антонов, М. В. Кравченко, Бессалов, свящ. церкви Волкова кладбища Н. В. Никольский, Козеинов, Пешель, Филатов, Абдамов, Емельянов, Зальман, Янковский, Дубровицкий, свящ. Дымский, Янковская, свящ. Ливенцов, врач-хирург Соколов, настоятель Знаменской церкви Козьмодемьянский, свящ. церкви Знамения Соколов, Сенюшкин, Высокоостровский, Гурьянов, Миронов, Смирнов, зав. 29 убежищем престарелых Черняева, Кудрявцева А., Кудрявцева Е., Попов, Травин, Пестовой, Киселев, П. Чельцов, Островский, Касаткин, свящ. церкви Скорбящей Божьей Матери Ивановский, Дмитриев, Жабров, Федоров, Корчагина, Низовцева, Маркин, Пилкина, Власова, Позднякова, настоятель церкви Покрова Дьяконов, Королев, Орнадский, настоятель церкви Марии Магдалины Бобровский, Петрова, Левитский, Гусаров, Шекленок, Соустов, Ананьев, Герасимов, Беззаборкин, Смирнов и Савельева.

Из числа подсудимых группа лиц — директор института глухонемых Янковский, его жена Яковская, преподаватель Дубровицкий, священник Дымский, ктитор церкви при институте Зальман — обвинялись в сокрытии и хищении церковных ценностей, для чего проникли в опечатанное помещение при церкви.

По делу вызывалось 43 свидетеля. Весь следственный материал составил огромное «дело» в нескольких томах, и в процессе судебного разбирательства это дело еще более распухло.

Из данных обвинительного акта видно, что в один судебный процесс, в сущности, соединен ряд дел со слабой взаимной связью, — настолько слабой, что временами эта связь имела механический характер и страдала даже хронологическая последовательность. Так, события, вызвавшие дело «о сокрытии и хищении церковных ценностей» в институте глухонемых, произошли в декабре 1920 г., — до издания декрета об изъятии, — тогда как большинство дат обвинительного акта в отношении других дел относятся к апрелю—маю 1921 г. и связаны с проведением в жизнь декрета.

Слабую зависимость между собою отдельных групп подсудимых в свое время усилению подчеркивала защита, указывавшая, между прочим, что в одном и том же процессе много лиц, обвиняемых в тяжчайших преступлениях, и лиц, которых можно было бы привлечь разве только за нарушение общественной тишины и спокойствия, если бы соответствующая статья имелась в уголовном кодексе...

Эта разнородность преступлений очень ярко сказывалась в той пестроте возрастов, социального положения, уровня интеллектуального развития, которая резко бросалась в глаза при первом взгляде на скамьи подсудимых...

Состав трибунала: председатель Н. И. Яковченко¹¹, члены — Семенов и Каузов, заместитель — Смирнов, секретарь Давыдова.

Общественное обвинение: Смирнов, Красиков, Крастин, Драницын.

К общественной защите допущены проф. Жижилеико, Гурович, Гириинский, Равич, Элькин, Павлов, Генкен, Бобрищев-Пушкин, Масин-Зои, Ольшанский, Гамбургер, Гартман, Этин, Рауш.

Рассмотрение дела началось 10-го июня. Порядок заседаний: утреннее — с 12 ч. до 3—4, двухчасовой перерыв и вечернее — до 10—12 ч. ночи.

Вход — по билетам, выдаваемым в Революционным Трибунале, хотя во вторую и третью недели в зал суда был разрешен доступ по партийным (РКП) билетам и по студенческим удостоверениям. Проверяли билеты при входе в здание филармонии и у дверей зала судебных заседаний. Требовалось предъявление билетов и по выходе из зала и из здания.

Глава вторая

Зал судебных заседаний.—

Трибунал.— Обвинение.—

Главные и второстепенные персонажи.—

Публика.— Кулуары.— Толпа у дверей суда.—

Столкновения и аресты

Заседания Революционного Трибунала происходили в большом зале филармонии. На эстраде — стол с красивым сукном, внизу, по бокам эстрады, — два стола для стенографисток и для печати. Рядом — двое часовых под ружьем. Против, посредине зала, — небольшой столик, тоже под красивым сукном, к которому вызываются подсудимые и свидетели. Сзади него — двое часовых. Слева — стол обвинения, справа — стол защиты, сзади которого, возвышаясь ярусами, — несколько рядов скамей для обвиняемых. Вся остальная часть зала, ложи, балкон отведены для публики.

Слева от стола трибунала, на эстраде же, — стол коменданта. Неизменно перед началом заседаний комендант предлагает снять головные уборы. А затем возглашает обычное:

— Трибунал идет. Прошу встать!

Все встают.

Из средних дверей быстрым, твердым и спокойным шагом выходил председатель трибунала, молодой, лет 30—35, блондин в синем костюме, за ним — члены трибунала, тоже не старше 35 лет, и женщина-секретарь.

Выждав несколько минут, в течение которых публика усаживалась на своих местах, председатель тихим, ровным голосом объявлял открытие или продолжение заседания трибунала.

Невозмутимое спокойствие, граничащее с равнодушием ко всему происходящему, — характерная внешняя черта председателя, определяющая атмосферу всего судебного заседания, носящего деловой характер, с длительной кропотливой работой. Этот характер заседаний, конечно, разочаровал многих и весьма многих из тех, кто желал видеть в процессе сенсационное

зрелище, и весьма не гармонировал с шумной, крикливой, экспансивной толпой, часами стоящей у дверей филармонии.

Невозмутимое спокойствие не покидало председателя во все время процесса и даже приговор был произнесен им обычным тихим и спокойным голосом. И лишь роковое слово «расстрелять» было произнесено с нажимом, раздельно...

Начинает допрос обвиняемых сам председатель, допрашивает долго, упорно, не повышая и не понижая голоса. Даже когда подсудимый, в силу акустических условий, не слышит вопроса и просит его повторить, Яковченко, выждав мгновение, повторяет вопрос в той же форме и тем же тоном. В том случае, если ответ на заданный им вопрос, видимо, его не удовлетворяет, он ставит его вновь, лишь слегка изменяя редакцию. Если и на этот раз ответ его не удовлетворяет, он временно отставляет вопрос, задает ряд других с тем, чтобы через некоторое время вернуться к первому.

Это иногда создает впечатление, что председатель спрашивает о старом по забывчивости, и подсудимый с некоторым недоумением говорит:

— Я уже отвечал Революционному Трибуналу...

Но Яковченко с такой же настойчивостью и упорством спрашивает снова и снова, без видимых признаков утомления, тогда как длительность допроса одного и того же лица, нередко в течение целого заседания, видимо, сильно утомляла подсудимых.

Окончив допрос, Яковченко передавал подсудимого своим членам, а затем сторонам и в дальнейшем судебное следствие не вмешивался и только иногда заявлял подсудимому:

— Когда говорите, обращайтесь лицом к Революционному Трибуналу.

Остальные члены трибунала вели допрос также в спокойном, ровном тоне. Их участие в допросе подсудимых первой категории было довольно значительным, но затем они допрашивали мало или совсем не допрашивали.

Общий тон спокойствия среди членов трибунала тем сильнее подчеркивался темпераментностью, несдерживаемой горячностью и нервностью представителя общественного обвинения Смирнова, хотя и он иногда с утрированным спокойствием «ловил» обвиняемых в противоречиях с показаниями на предварительном следствии. Часто ведет допрос в тоне нескрываемой иронии, особенно когда допрашиваемый с «высшим образованием»:

— Ведь вы, кажется, человек грамотный, к тому же с высшим образованием, должны были читать, что подписываете.

«Высшее образование» в устах этого представителя общественного обвинения звучит как обстоятельство, усугубляющее вину подсудимого, и он в своей обвинительной речи, в которой чувствовался страстный митинговый оратор, дал этому обстоятельству соответствующее объяснение.

Иногда иронизирует и другой общественный обвинитель — Драницын. При вопросах лиц духовного звания он часто вызывает их на вопросы канонического свойства. Вообще канонам на процессе уделялось большое внимание, а также вопросам морали и вопросам старого уголовного права, и подсудимые — профессор уголовного права Новицкий и бывший присяжный поверенный Ковшаров иногда ставились в положение экспертов.

Остальные два общественных обвинителя — Красиков и Крастин — вели допрос в спокойном тоне.

За несколько минут до выхода трибунала коимой выводил подсудимых. Этот «вывод» носил несколько торжественный характер и вызывал в публике молчаливое, но сильное движение; все поднимались со своих мест. Некоторые указывали на это обстоятельство как на своего рода демонстрацию, но это едва ли было так: ведь билеты выдавались с большим выбором, и масса, способная на демонстрацию, толпилась у входных дверей суда. Скорей всего, это было движение любопытства, желания лучше рассмотреть подсудимых,

и это движение невольно передавалось всем. Но в его молчаливости чувствовалась взаимно заражающая торжественность. Конечно, среди публики были и такие, которые считали своим долгом встать перед митрополитом, но вставали почти все.

Подсудимые, отделенные от публики конвоем, медленно шли к своим скамьям, жадно отыскивая взглядом своих родственников, близких. Митрополит шел к своему месту тихо, спокойно, опираясь на свой посох. Он — в белом клобуке, на котором блестит маленький крестик, и в темной мантии. Неизменно спокойный, скупой на движения, он занимал свое обычное место — на левом краю скамьи четвертого ряда. Рядом с ним — секретарь Правления православных приходов Н. А. Елачич, за ним — присяжный поверенный Ковшаров, дальше профессор Новицкий... С первого дня, с первого «выхода» подсудимые, заняв места, уже не меняли их. За три недели они, видимо, привыкли к ним, считали их уже «своими» и садились на них, не создавая путаницы, толчеи, выжидая друг друга... Как уже было отмечено, скамьи подсудимых возвышались ярусами с правой стороны зала; слева — такие же скамьи для части публики. И если бы не конвой, трудно было бы сказать, на какой стороне подсудимые, так как в обоих случаях — была группа людей, по первому впечатлению случайно оказавшихся соседями, с тою только разницей, что случайное соседство слева — на одно, два заседания, справа же — на целых три недели; даже двух-трехмесячное сидение в тюрьмах, видимо, мало объединило подсудимых, наложив на лица всех только один общий отпечаток — тот землисто-бледный цвет лица, который всегда бывает в результате тюремного заключения.

По роду и характеру предъявляемых обвинений подсудимые распределяются на группы и категории, но места они занимают вне зависимости от этих группировок. Обвинение сохранило один общий, объединяющий всех подсудимых признак — противодействие изъятию ценностей, и благодаря этому рядом со священниче-

ской рясой и монашеским клобуком, рядом с профессурой и студенчеством — женщины с базара, лица ярко уголовного типа, на которых зиждется успех каждого погрома, кем бы и где бы он ни производился, лица неопределенных профессий, лица без всяких профессий и лица самых разнообразных профессий — музыкант, артист, чистильщик сапог, рабочий и пр. и пр.

Так же разнообразна их заинтересованность в этом деле, что видно даже из того, что трибунал, приговоривший десять человек к высшей мере наказания, двадцать двух оправдал, признав вину их недоказанной; ряд лиц были приговорены к легким наказаниям, которые с избытком покрывались предварительным заключением... Среди обвиняемых несколько человек преклонного возраста, группа подростков 18—19 лет, ряд лиц с физическими недостатками: один глухой, другой заика, третий эпилептик; одного суд не оправдал, а «освободил от наказания в силу его физического недоразвития, отразившегося на душевных способностях»; защитник одного из подсудимых сделал заявление, что его подзащитный тяжело болен, но про характер болезни, «щадя своего доверителя», умолчал. Из числа женщин некоторые производят впечатление кликуш. Про одну обвинитель сказал: «Ее дело по свадьбам бегать».

В то время как все первые персонажи с неослабимым напряжением следили за процессом на всем его протяжении, персонажи второстепенные относились к нему различно: одни сохранили внимание в течение всех трех недель; другие — быстро утратили к нему интерес и, видимо, скучали: когда объявлялся короткий перерыв и их не выводили из зала, они вступали в пререкания с начальником конвоя; когда же выводили — поспешно покидали свои места и торопились выйти из зала. «В тюрьме веселей» — донеслась однажды глумливая фраза из этой группы, утомившейся длинной судебной процедурой, однообразием допросов, той тишиной, которая царила в зале заседания.

Из среды публики многих также, видимо, утомила

длительность процесса, интерес к нему слабел. Первые дни зал был переполнен, места на стульях брались с бою и занимались задолго до заседаний. А затем ряды публики редели. И только родственники и близкие подсудимых упорно, каждое заседание, были на своих местах. К моменту прения сторон наплыв публики снова увеличился. Интересно отметить, что представителей духовенства среди публики было всего несколько человек — не больше десятка. Было несколько лиц со знакомым по прежним процессам дореволюционного времени отпечатком — «судебных дам» и всегдатаев судебных разбирательств.

Многие чувствовали себя «как дома»: приходили с завтраками, просматривали во время «неинтересных моментов» газеты, а одна почтенного возраста дама *, занимавшая в первом ряду место, вязала чулки и, вероятно, связала не одну пару...

Во время перерывов родственники подсудимых толпились около конвоя с «передачами» — мешочками, кулечками, свертками, стаканами чая, со всем тем, что так радостно волнует, как весть «с воли», как трогательный знак внимания близких, что так мило, дорого и знакомо всем, побывавшим в тюрьмах...

Кулуары шумны и оживленны и опять-таки по характеру своему напоминают кулуары прежних, дореволюционных процессов; не мелькают разве только фраки защитников, не видно чинов судебного ведомства с их своеобразным отпечатком на лицах, с особой «судейской выдержкой».

Публика обсуждает различные моменты судебного разбирательства, но как-то осторожно, опасливо, разбиваясь на группы, нередко с видом заговорщиков. Интересно отметить, что приговор был предсказан более или менее верно. К мотивам преступления — противодействию изъятию ценностей — большинство раздававшихся голосов относилось с осуждением.

---

* Говорили, что мать Коллонтай.

Пусть даже не было организованного противодействия, пусть даже самое противодействие остается под сомнением, но высшая церковность виновата перед церковью, перед духом христианства в том, что не использовала те возможности, которые открывались перед ней в связи с оказанием помощи голодающим. Не проявив в этом деле своей достаточной инициативы, она не встретила должным образом ту инициативу, которая была ей дана со стороны.

Эти мысли высказывались вслух. Что думали молчаливые одиночки, о чем они говорили, тихо склонившись друг к другу, — история может только строить догадки.

Иначе вела себя толпа у дверей филармонии в первые дни процесса. В ее глазах подсудимые — мученики, герои идеи православия и христианства.

Ядро этой толпы — ревнители церковности, верующие, фанатики, большинство которых женщины. Они свободно делятся друг с другом мыслями, впечатлениями; на совершающееся смотрят как на чудовищное преступление, как на открытое гонение и поругание церкви, как на неизбежный при всех подобных случаях признак приближения «последних времен». Лишенные доступа в зал заседаний, они чутко ловят обрывки сведений, которые приходят оттуда, жадно хватают и передают друг другу слухи, и эти слухи создают целые инциденты, на самом деле в здании суда никогда не бывшие. Слышатся, конечно, нападки на Советскую власть и даже не на Советскую власть, а просто «на них». Они — это, конечно, большевики, коммунисты.

К ядру «ревнителей» присоединяются толпы любопытных, просто прохожих. И в первые дни процесса эти толпы достигли внушительных размеров, особенно после нападения на протоиерея Введенского¹², весть о котором быстро разнеслась по городу.

Еще до нападения имя протоиерея Введенского вызывало раздражение. Его почему-то считали чуть ли не главным виновником процесса, изменником, перебежчиком, предателем своих близких. Характерно, что

нападки на Введенского особенно ожесточенными были со стороны тех, кто еще недавно, по их собственному признанию, числился в рядах его поклонников и поклонниц. Их особенно раздражало то, что Введенский, в их представлении, обманул их доверие и веру в него как пастыря, следующего по заветам Христа...

Неудивительно, что появление Введенского среди этой толпы было встречено криками, упреками, угрозами, бранью. Какая-то женщина схватила с мостовой камень и с силой ударила им по голове протонерея, причинив ему серьезные повреждения. Это лишило его возможности участвовать в процессе.

Женщину арестовали.

На другой день после этого настроение толпы было особенно возбужденное. Попытки курсантов к ее рассеянию не дали результатов, и вскоре произошло нечто вроде религиозной демонстрации, которая окончилась оцеплением района караулом и массовыми арестами. Толпу арестованных под усиленным конвоем отвели в тюрьму, что на Шпалерной улице, и там была произведена проверка документов. Среди арестованных оказалось несколько лиц, предъявивших партийные билеты (РКП), и иностранных подданных. Их, как и большинство из толпы, попавших в оцепление случайно и имеющих удостоверения личности, отпустили тотчас после проверки документов. Лица, у которых документов не оказалось, были временно задержаны.

После этого организации действующая охрана препятствовала скоплению публики на Михайловской площади, а к моменту вывода подсудимых квартал до Невского оцеплялся конной стражей, и движение по нему прекращалось.

Отдельные группы тем не менее ждали этого момента часами, разместившись в сквере и на прилегающих к филармонии улицах.

Арестованных выводили из боковых дверей и усаживали на грузовики-автомобили — человек по 20 сразу. Затем автомобиль в сопровождении конной стражи полным ходом мчался по направлению к тюрьме.

Глава третья

Допрос митрополита Вениамина.— Допрос подсудимых первой группы

Первый и часть второго дня процесса были уделены обычным формальностям.

Много времени заняло чтение обвинительного акта, напечатанного на 70 с лишним страницах.

Между прочим, было заслушано письменное заявление протоиерея Введенского о том, что он по болезни лишен в течение нескольких дней возможности присутствовать на процессе.

На поочередном допросе о виновности все подсудимые заявляют:

— Нет, не виновен.

Лишь благочинный девятого округа протоиерей М. Ф. Союзов признал себя виновным в частичном распространении воззвания митрополита, а бывший красноармеец Семенов — в сопротивлении при аресте.

Подсудимая Савельева покорио заявляет:

— На ваше усмотрение.

Судебное следствие начинается с допроса бывшего митрополита Вениамина.

— Подсудимый гражданин Казаиский, — вызывает его председатель.

В зале сильное движение.

Бывший митрополит Вениамин поднимается со своего места и размеренным шагом, не спеша, опираясь одной рукой на посох, а другую приложив к груди, выходит из средину зала. На лице его нет признаков ни волиения, ни смущения. Чувствуется привычка двигаться и говорить под устремленными на него глазами масс. Он скуп в движениях, скуп в словах, не говорит ничего лишнего, отвечает по существу. И только иногда, в силу большой разницы во взглядах на содержание определенных понятий, в силу разницы психологии,

в силу той пропасти, которая отделяет представителя монашеского духовенства от мирянина, к тому же антирелигиозного, в его ответах чувствуется как будто уклончивость, а они не удовлетворяют допрашивающих, создается взаимное непонимание.

Председательствующий одним из первых задает вопрос:

— Как вы относитесь к Советской власти?

— Мое отношение к ней — отношение к власти. Все ее распоряжения и все декреты по мере своего разумения исполняю и принимаю к руководству.

— Ну да, это так. Но признаете ли вы ее?

— Признаю, как и всякую гражданскую власть.

Далее трибунал переходит к центральному пункту обвинения — к двум письмам митрополита в Помгол (помощь голодающим) в Смольный.

Митрополит подробно рассказывает историю возникновения писем в связи с изданием декрета и желанием безболезненного проведения его в жизнь. Вопрос об изъятии для церкви и ее верующих — большой вопрос, к разрешению которого нужно было подходить особенно осторожно, особенно если принять во внимание психологию масс молящихся. Эти письма являлись результатом осторожного подхода к данному вопросу.

— Вы их как писали, — посоветовавшись с кем-нибудь или самостоятельно?

— Я писал их сам. Я сам решил, что их нужно послать.

— А в Правлении православных приходов эти письма не подвергались обсуждению?

— Нет. Составлял я их самостоятельно.

— Ну, а затем, после того как они были посланы, вы сообщили их Правлению?

— Да, я довел их до сведения Правления.

— Правление их обсуждало?

— Нет, просто приняло к сведению.

— Зачем же вы сообщили о них, и вообще, зачем вы бывали в Правлении?

— Я находил возможным сообщать Правлению

о своих переговорах со Смольным, хотел знать мнение членов Правления, но мои шаги в этом случае не являлись предметом обсуждения.

— А ваши мнения являлись обязательными для всех членов церкви?

Подсудимый не понимает вопроса.

— Рассматриваются ли ваши мнения, хотя бы высказанные в этих письмах, как обязательные к руководству и исполнению, и вообще, все ли ваши предписания должны были исполняться?

— В области административной, как распоряжение по митрополии, мои предписания обязательны к исполнению. Письма же не являлись предписаниями.

— А ваши канонические взгляды?

— Поскольку они опираются на каноны, обязательные для всех верующих сынов православной церкви.

— А в случаях разногласий?

— Мои мнения как главы Петроградской церкви являлись авторитетными. Но бесспорными являлись лишь административные предписания.

К этому вопросу неоднократно возвращались при допросе как представители общественного обвинения, так и защиты.

— Каким образом распространялись ваши письма?

— Я не могу сказать. Я их не рассылал по митрополии.

— Тем не менее они получили широкое распространение.

— Не знаю. Знаю, что одно письмо было оглашено на лекции священником Забиrowsким, и слышал, что на оглашение этого письма он получил словесное разрешение при переговорах в Смольном.

При дальнейшем допросе много времени уделяется вопросу об отношении к деятельности зарубежного духовенства.

В этой части допроса митрополит неоднократно заявляет о своей слабой осведомленности.

— Но ведь все это вас как главу церкви должно было интересовать? — удивляется обвинение.

— О Карловацком соборе ведь слышали?

— Да. Мне передавали о нем частным образом.

— Почему же такая неосведомленность? Ведь вы так недавно были администратором заграничных церквей.

— Формально был. Но затем связь с заграничными церквями была утрачена.

— Кто теперь заступает ваше место?

— Моим правопреемником является архиепископ Евлогий.

— Каким образом состоялось замещение?

— Я получил об этом извещение в порядке управления церковью. Подробностей не знаю.

— Политическая физиономия Евлогия вам известна?

— Лично меня вопросы политики не интересуют.

Упорному анализу подвергалась криминальная фраза в письме о том, что насильственное изъятие является актом кощунственно-святотатственным. Обвинители Красиков и Драницын не раз сводили допрос на каноническую почву, и тогда допрос принимал характер богословского диспута; на эту плоскость митрополит Вениамин становился с видимой неохотой и воздерживался от пространных суждений, несмотря на то, что и защита иногда становилась на этот путь. Обвинение, видимо, осталось не удовлетворенным теми ответами, которые давал подсудимый, о примирении тех противоречий, которые иногда могут быть между велениями гражданской власти и власти церковной, между требованиями закона и требованиями религии.

На этой почве произошел инцидент. Обвинитель Смирнов по поводу занимаемой в этом вопросе позиции подсудимым выразился:

— Митрополит сидит между двух стульев.

Защита выразила протест против таких заявлений. Затем часть защиты протестовала против расширения рамок процесса введением богословских мотивов.

Со своей стороны, представитель обвинения Крастин выразил протест против метода допроса защиты, благодаря которому вместо вопросов и ответов ведется рассказ, и подсудимому, таким образом, подсказывается благоприятный для него ответ.

В вопросе об отношении к прогрессивному духовенству, письму 12 священников и к организации высшего церковного управления митрополит становится на формальную точку зрения. Письмо 12-ти являлось самочинным выступлением части духовенства, и в Правлении православных приходов оно вызвало недоброжелательное отношение потому, что этим письмом 12 священников отмежевывались от всего духовенства, выставляя тем самым остальных в неблагоприятном освещении; что же касается привлечения протоиерея Введенского к высшему церковному управлению, то оно состоялось без соблюдения целого ряда формальностей, и действия протоиерея можно было рассматривать как самочинные. «Отлучения» Введенского от церкви так, как это понимает обвинение, не было. Было сделано лишь предупреждение с угрозой отлучения.

Интересовалось обвинение отношением митрополита к той части духовенства, которое покинуло Советскую Россию в момент отступления Юденича.

Митрополит в этом вопросе также стал на формальную сторону. Он получил известие, что часть духовенства оставила свои приходы, а потому было дано распоряжение о том, чтобы эти приходы считать вакантными и на пустующие места назначить заместителей.

Допрос митрополита длился в течение полутора дней — 11 и 12 июня.

После митрополита допрашивается профессор уголовного права Ю. П. Новицкий.

Он еще молодой человек 39 лет, в простой из темной материи куртке. Отвечает спокойно, говорит ровным голосом, говорит свободно.

— Что вы знаете по настоящему делу? — задает ему вопрос председатель трибунала.

Подсудимый дает показания о переговорах в Смольном, о письмах митрополита, о заседаниях Правления Союза православных приходов, на которых митрополит делал свои сообщения о письмах, о своей поездке к патриарху Тихону. Этим обстоятельством председатель трибунала особенно интересуется: ездил ли профессор Новицкий специально к Тихону как доверенный митрополита или он был у патриарха частным образом. Подсудимый отвечает, что ездил он вообще по делам, но не как представитель митрополита и не со специальным поручением от него. Он просто хотел выяснить точку зрения патриарха на изъятие ценностей и узнать, как он относится к положению дела в данном вопросе в Петрограде.

— Что же сказал вам патриарх?

— Он заявил, что даст свое благословение на изъятие ценностей, если к нему за этим обратится митрополит.

— А еще о чем вы разговаривали?

— Патриарх интересовался организацией Союза православных приходов, и я сообщил ему о нем некоторые данные.

Так как подсудимый являлся председателем Правления православных приходов, той самой организации, которой обвинительный акт приписывает руководящую роль в противодействии изъятию ценностей, то большая часть допроса отводится выяснению сущности и деятельности этого Правления.

Новицкий сообщает, что Союз православных приходов действовал по утвержденному уставу. В задачу его деятельности входило обсуждение вопросов, касающихся богослужения и церковной деятельности. В Союз входила только часть приходов петроградских церквей.

— Чем вы объясняете, что не все приходы входили в состав Союза?

— Некоторые не входили потому, что относились недоверчиво к новой организации, другие — просто по инерции.

— Каковы были взаимоотношения с митрополитом?

— Наши постановления по вопросам богослужебным и церковным мы представляли митрополиту, но в общем эти взаимоотношения были малоопределенны.

— Обязаны ли вы были подчиняться митрополиту?

— В вопросах религиозных — да.

— А в вопросе об изъятии ценностей?

— Это вопрос гражданской власти, и в этом отношении я мог и не подчиняться митрополиту.

— Как Правление представляло себе возможность оказания помощи голодающим, помимо изъятия ценностей?

— Сбором пожертвований среди прихожан.

— Вопрос об изъятии ценностей обсуждался в Правлении?

— Такого вопроса на обсуждение не ставилось.

— А если бы Правление, — спрашивает обвинитель Драинцын, — поставило этот вопрос в категорической форме и разрешило бы его утвердительно, были бы, по вашему мнению, столкновения при изъятии?

— Были бы и тогда.

— Вам дух нового уголовного кодекса знаком?

— Думаю, что знаком.

— Как вы думаете, по духу закона, кто больше ответственен в проступках, аналогичных с данными, — духовенство или миряне?

— По-моему, обе стороны одинаково.

— Ну, тогда вам дух закона не знаком. Духовенство менее ответственно, так как оно исполняет распоряжение своей власти.

Председатель спрашивает:

— Был ли петроградским духовенством проявлен интерес к изъятию ценностей?

— Нет. Особенного интереса не было заметно.

— Чем вы это объясняете?

— Можно объяснить инертностью духовенства, его неумением жить при новых условиях, неспособностью

развить деятельность после издания декрета об отделении церкви от государства.

В своих дальнейших показаниях профессор Новицкий заявляет, что письма митрополита в Правление не обсуждались, о них он довел только до сведения после того, как их отправил.

— А письмо 12 священников? Как Правление отнеслось к нему?

— Отрицательно. Но не к их содержанию, а к тому, что это сепаратное выступление могло быть истолковано в том смысле, что остальное духовенство к помощи голодающим относится отрицательно, не сочувствует ему.

— Существовали ли разногласия между митрополитом и Введенским?

— Да, в области церковного богослужения. Например, митрополит стоял за службу при закрытых царских вратах, Введенский же — при открытых. То же самое в вопросе об общей исповеди.

— Если вам как профессору, как юристу-эксперту дать на заключение письма митрополита, то нашли бы вы в них состав преступления?

— Обращение митрополита, напечатанное в газетах, говорит о том, что нужно все жертвовать и вообще о необходимости подчиниться распоряжению власти. Первые два письма, по моему мнению, ультимативного значения не имеют.

— Носили ли эти письма характер духовно-пастырский, или это административные распоряжения?

— Первые два письма можно рассматривать как духовно-пастырские, последнее написано администратором.

— Каким образом Казанский, с одной стороны, рассматривает насильственное изъятие актом коштвенно-святотатственным, а с другой — призывает как будто бы содействовать неправомерному распоряжению. Как вы могли бы примирить эти противоречия?

— Обращение предлагает относиться к изъятию по-христиански. Господь дал, Господь и взял.

На вопрос председателя Новицкий заявляет, что воспитан в религиозном духе с детства, со 2-го класса гимназии участвовал в богослужении, читал, подавал кадило и пр. Будучи профессором, интересовался церковно-благотворительной деятельностью. Во время профессорства в Киеве много работал над созданием патроната для арестованных и над организацией суда для малолетних преступников.

— Как же вы, с одной стороны, исповедовали принцип христианской морали, а с другой — насаждали такое жестокое учреждение, как суд над детьми? — спрашивает председатель.

— Очевидно, здесь неправильное представление об институте суда для малолетних. Он имеет скорее благотворительный характер, а не характер возмездия за преступление.

Дальше обвиняемый рассказывает, что в 1913—1914 гг. состоял в религиозно-философском обществе, после Октябрьской революции читал лекции по истории церкви, состоял профессором в университете и институте. Но до своего участия в Правлении православных приходов ни в каких церковных организациях не состоял. Да это было и невозможно при царском режиме.

Защита спрашивает:

— Как вы относитесь к декрету об отделении церкви от государства?

— Положительно. Я приветствовал его, в частности, потому, что он давал возможность развиваться церковной общественности. И организация Союза православных приходов являлась первой попыткой в этом направлении.

— Что же, вы считаете эту попытку удачной?

— Она встретила противодействие со стороны большинства духовенства, авторитетом Союз не пользовался, и духовенство относилось к нему недоверчиво.

— А митрополит?

— Митрополит тоже, видимо, не совсем доверял нам.

— А были в вашем составе представители нового духовенства?

— Да. Ядро так называемой живой церкви вышло из среды Союза.

Обвинитель Смириов спрашивает:

— Сколько верующих объединял Союз?

— Затрудняюсь сказать. Тысяч 15...

— Вот в составе Правления был ряд лиц с высшим образованием, три профессора. Не находите ли вы для себя приятным и полезным заниматься какими-нибудь другими вопросами, а не лампадным маслом, торговлей и др.?

— Мы лампадным маслом не занимались. Нас интересовали вопросы церковно-богослужебные.

— А что же, без вас святые отцы не могли обойтись?

Подсудимый молчит.

Как к юристу обращается к нему и защита с просьбой определить, не носит ли в устах митрополита выражение «кошунственно-святотатственный акт» иного значения, чем это звучит в старом уголовном кодексе.

— В устах митрополита это выражение должно звучать как грех, как нарушение православно-христианской нравственности, а не как уголовное преступление, не как нарушение гражданского закона.

Допрашивается подсудимый Н. А. Елачич, бывший действительный статский советник, а теперь преподаватель военно-броневой автомобильной школы.

На вопрос председателя он отвечает, что религиозными вопросам начал интересоваться только после отделения церкви от государства, так как до издания декрета об этом участие мирян, общественности в церковно-богослужебной жизни было невозможным. Подсудимый был секретарем Правления православных приходов и членом организационного отдела. Характеризуя деятельность Союза православных приходов, он в общем повторяет показания профессора Новицкого. Организация была малодейственная, не пользовалась

авторитетом; в сферу ее компетенции входило обсуждение церковно-богослужебных вопросов, по которым они высказывали свои мнения, выносили заключения и пожелания и представляли их митрополиту. Если они противоречили взглядам митрополита, то он мог положить и клал в действительности их под сукию.

— Обсуждался ли в Правлении вопрос об изъятии ценностей?

— Нет, такого вопроса не поднималось.

— Неужели не было даже никаких разговоров?

— Мнениями частным порядком обменивались.

— Например, о чем?

— Например, большое недоумение вызывал вопрос о прикосновении мирянина к священным сосудам, которое церковными канонами не допускается. Каким же образом могла быть произведена передача ценностей?

— Как же разрешилось это недоумение?

— Митрополит дал разъяснение, что к священным сосудам могут прикасаться лишь священнослужители и те, кто будет послан гражданской властью. Этими миряне освобождались от необходимости прикасаться к сосудам.

Допрос Елагина снова подтвердил ту неопределенность во взаимоотношениях, которая существовала между Правлением и митрополитом.

— Сколько было общих собраний в марте и апреле, когда вопрос об изъятии ценностей особенно волновал? — спрашивает обвинитель.

— Ни одного, — отвечает подсудимый и дальше сообщает, что заседания Правления иногда происходили, так сказать, частным порядком и протоколов о таких заседаниях часто не велось. Вообще, должность секретаря была номинальной.

— Как отнеслось Правление к письму 12 священников?

— Члены Правления в общем отнеслись к нему отрицательно, так как смысл письма был таков, что мы, 12, такие, а остальные — иные, то есть можно было предположить, что остальные верующие и духовен-

ство — против изъятия. Они выступили сепаратно, хотя могли бы действовать иначе, договориться в этом вопросе, так как по существу разногласий не было. К тому же письмо было опубликовано без благословения митрополита.

— А если бы 12 священников пришли к вам с целью установить соглашение, как бы вы к этому отнеслись?

— Это было бы радостное событие, и я, например, был бы счастлив.

— Каково ваше отношение к новому церковному течению?

Подсудимый затрудняется ответить.

— Я, конечно, знаю формулу Достоевского, что церковь находится в параличе со времен Петра...

— Нет, не об этом. О так называемой живой церкви.

— О нем мне ничего не известно. Я считаю, что церковь должна быть аполитичной.

Говоря о себе, подсудимый, между прочим, упоминает, что он был в комиссии по расследованию ленинских событий и вообще интересовался рабочим вопросом.

Защита в свое время ходатайствовала перед трибуналом о приобщении к делу тех писем от рабочих, которые были получены Елагинем и которые характеризуют подсудимого с положительной стороны.

Допрашивается член Правления, бывший присяжный поверенный И. М. Ковшаров.

Он сопровождал митрополита в Смольный. Было это, по его словам, так: в соборе он услышал, что митрополит вызывается в Смольный, и предложил ему свои услуги на получение пропуска, так как сам он живет в районе близ Смольного. Однако в Смольном ему сказали, что для митрополита пропуска не требуется и что в определенный час его будут ждать. Подсудимый, по просьбе митрополита, опасавшегося, что он не сумеет ориентироваться в здании Смольного, взялся его сопровождать. В Смольном он довел его до приемной, в которой он оставался, дожидаясь конца переговоров митрополита. Затем сюда вышел митропо-

лит и т. Канатчиков. Общий тон их беседы показывал, что они в существенных вопросах договорились.

— Что же митрополит считал существенным?

— Мнение митрополита, что в порядке изъятия ценностей должна быть соблюдена постепенность.

В дальнейшем обвиняемый еще раз подтвердил, что вопрос об изъятии в Правлении не поднимался. Обсуждался он в комиссии помощи голодающим при Правлении. Лично он стоит за изъятие, хотя раньше находил, что кресты и священные сосуды не должны подлежать изъятию, но затем удостоверился, что изъятие может коснуться и этих предметов. На частном совещании, бывшем у Аксеиова, митрополит лишь вынес на обсуждение те недоумения, которые встали перед ним в связи с вопросом об изъятии. Сам Аксеиов в это время был болен.

— Не было ли 2-е письмо результатом заседания у Аксеиова?

— Нет. Текст письма не обсуждался.

О себе подсудимый говорит, что по своим научным убеждениям он марксист. Во время своей адвокатской деятельности не раз выступал в качестве защитника в политических процессах, в военных судах.

Допрос первых подсудимых тянулся по несколько часов и, видимо, сильно утомлял их.

Во время допроса Елачича защита попросила:

— Или сделайте перерыв, или разрешите дать подсудимому стул: он совсем обессилел.

Ковшаров, видимо, страдает сердечною болезнью, и к концу допроса лицо его часто искажается судорогой и он хватается за сердце.

Дальнейший допрос подсудимых этой группы занимал меньше времени, и, в сущности, ничего нового по сравнению с тем, что было сказано первыми допрашиваемыми, он не дал.

Они теми же чертами характеризовали деятель-

ность Правления, причем ему было дано новое определение: «церковный клуб», «говорильня»; заявляли, что письма митрополита в Правлении не обсуждались, никаких постановлений в связи с декретом не делалось и пр. и пр.

Во избежание повторений из допроса остальных подсудимых этой группы следует отметить лишь факты и детали, ставящиеся им в качестве индивидуального обвинения.

Так, настоятель Казанского собора протоиерей Чуков, он же товарищ председателя Правления, вывел в соборе первое письмо митрополита.

— Для какой цели вы это сделали?

— С целью подготовки масс верующих, которые, — я это знал, — не могли быстро освоиться с мыслью о необходимости отдать церковные ценности и драгоценности.

Далее подсудимый подробно останавливается на том тяжелом положении, в котором находилось духовенство. С одной стороны, оно было обязано исполнить распоряжение власти об изъятии, находило эту меру целесообразной, с другой — ему приходилось столкнуться с косою массой верующих, не могущих примириться с этой необходимостью. По адресу духовенства неоднократно раздавались упреки, что оно «продалось».

Характерно, что самого митрополита обвиняли в соглашательстве.

— Мы, — говорит подсудимый, — духовенство, находились между молотом (декретом) и наковальней (массой верующих).

И несмотря на эти затруднения, Казанским собором дано в общем 125 пудов ценностей.

— А второе письмо митрополита вы оглашали бы?

— Нет, не оглашал бы и не огласил.

Священник Зеикевич (по суду оправданный) заявляет, что никакого участия в каком бы то ни было противодействии не принимал.

— Ваше образование?

- Университетское. Филолог.
- Почему же вы попали в священники?
- Меня на этот путь толкнуло личное горе — потеря близкого человека.
- Как относитесь к новому движению в церкви?
- Я им совершенно не интересуюсь и о нем ничего не знаю.

Епископ Кройштадтский Венедикт, в мире Плотников, заявил, что к Правлению православных приходов прямого отношения не имел и с письмами митрополита познакомился случайно. Инструкцию митрополита по изъятию ценностей считает «благоприятной». Он находит, что прикосновение мирянина к священным сосудам есть кощунство, прикосновение же членов комиссии — нет, ибо они исполняют распоряжение гражданской власти. К декрету об изъятии относится положительно.

Настоятель Троицкого собора М. П. Чельцов также стоит за изъятие. Противоречия между декретом и письмами митрополита не видит.

Архимаандрит Сергей (в мире Шени) огласил письмо митрополита в приходском совете.

— Вы были членом Государственной Думы?

— Да.

— В какой фракции?

— Во фракции националистов. Но я в политической борьбе не участвовал и работал только в комиссии по церковным делам. Этим вопросом я всегда интересовался и поэтому принял сам.

Благочинный 3-го округа Бычков огласил письмо митрополита в приходском совете; по благочинному округу его не рассылал, но довел о нем до сведения духовенства округа.

Профессор Петровский заявляет, что никакой активной роли в Правлении православных приходов не нес.

Секретарь канцелярии митрополита, ассистент политехникума Парийский отрицает факт размножения им писем митрополита и заявляет, что канцелярия

митрополита распоряжения о их распространении не имела. Настоятель Исаакиевского собора протоиерей Л. К. Богоявленский указывает на факт безболезненного изъятия ценностей в богатейшем Исаакиевском соборе.

Защита фиксирует, что в бытность подсудимого тюремным священником в Крестах он проявлял живейшее участие к заключенным политическим, оказывал им всевозможную помощь и содействие. Некоторые из знавших его с этой стороны политических — теперь видные партийные работники; у него от них имеются теплые отзывы в сохранившихся письмах.

Профессор Огнев также отрицает свое активное участие в Правлении.

— Во время февральской революции вы чем занимались?

— Был сенатором Временного Правительства.

Профессора П. А. Карабинов и В. Н. Бенишечевич, впоследствии трибуналом оправданные, отрицают какое бы то ни было участие в противодействии изъятию. Бенишечевич, между прочим, назвал Правление «церковным клубом и говорильней».

Допросом последних лиц исчерпывается список подсудимых, привлеченных по 62 и 119 статьям уголовного уложения, грозящим применением высшей меры наказания. Всем им как активным членам Правления Союза православных приходов вменяется в вину использование этой легальной организации в смысле оказания противодействия изъятию ценностей, с целью вызвать народное волнение в явный ущерб диктатуре пролетариата.

Виновным себя по общей формулировке обвинения никто из подсудимых этой группы не признал. Все они заявляли, что к декрету об изъятии ценностей и к самой Советской власти относятся лояльно, что в деятельности Правления не было ничего такого, что могло бы послужить к его обвинению. Переговоры со Смольным велись в порядке добровольного соглашения в целях наиболее безболезненного проведения декрета.

Глава четвертая

Допрос остальных подсудимых.—

Хищение ценностей в институте глухонемых.—

Изъятие в церквях:

при консерватории, при больнице и др.—

Обвиняемые в беспорядках

Трибунал переходит к опросу отдельных групп подсудимых, обвиняемых по 72, 73, 77, 86, 150, 180 и 185 статьям уголовного уложения. Из них много времени уделяется группе, обвиняемой в хищении и сокрытии ценностей в церкви института глухонемых. Сущность дела по их показаниям вкратце сводится к следующему:

В декабре 1921 г., до опубликования декрета об изъятии ценностей, директор института Яиковский, ввиду тяжелых материальных условий, в которых был институт, предложил ценности находящейся при институте церкви обратить в пользу института. Церковный совет, а затем хозяйственный комитет решили произвести изъятие. Из церкви была взята часть ценных предметов и перенесена в клубное помещение и в класс. Затем, когда церковь была опечатана, из смежного с церковью помещения были взяты ризы с икои, для чего внутреннего задвижка двери была открыта ножичком. Всего, таким образом, было взято около 9 пудов серебра (обвинительный акт говорит о сокрытии и хищении 15 пудов). О нем комиссии по изъятию ценностей не было заявлено, и его обнаружили только по обыску. Сокрытие было произведено «в семейном порядке»; никаких актов или описей не было составлено. Когда явилась комиссия по изъятию, ею в церкви было обнаружено лишь 3 фунта серебра.

Подсудимый Дымский, старый священник, говорит, что совет настоял на изъятии. Он священствует в институте 34 года; ему каждая вещь особенно дорога. Но необходимость заставила обратить эти вещи в деньги, потому что 198 детей буквально голодали, выбирали из

помоек и выгребных ям картофель и другие отбросы и ели.

Церковь была опечатана 27 февраля, но все ценности были вынесены еще до опечатания, а уж затем, чтобы взять их, пришлось открыть дверь ножиком. Подсудимый сам был только свидетелем того, как открыли задвижку ножиком, этому не препятствовал, потому что это делалось по распоряжению директора. Когда брались ценности, он светил свечкой.

— Это было произведено ночью?

— Нет, вечером. Об этом все знали и действовали открыто.

Председатель и стороны много времени потратили на то, чтобы выяснить, принадлежало ли помещение, которое открыли, церкви и было ли оно опечатано.

Священник Дымский и другие привлеченные к этому делу заявляли, что это помещение, которое называлось «зальцем», было только смежное с церковью, опечатанию оно не подвергалось, дверь, которую они открыли, была известна лицам, производившим опечатание, и они не находили нужным ее опечатать. В открытом ножом зальце был сложен всякий хлам, в него священник Дымский, нуждаясь в помещении, поставил свой рояль и др. вещи.

— Инвентарная книга имущества церкви имелась?

— Да. Имелась.

— Вы списали изъятые ценности?

— Я просто карандашом их отметил, сделал крыжки *. Вообще, сделано было все запросто, без формальностей.

— Вы знали, что это незаконно?

— Да. Можно предполагать. Но тогда и в голову не приходило.

Допрашивается директор института Яиковский. Он работал в институте 24 года, ввел ряд новых методов

---

* Крестики. — *Ред.*

обучения глухонемых и вообще отдал этой работе все свои силы и способности.

— Когда в институте создалось материальное затруднение, дети голодали, а помещения пришлось отапливать классной мебелью, были созваны родители и им было заявлено о возможности закрытия института. Учащиеся — дети рабочей и крестьянской бедноты. Родители умоляли не закрывать института; обещали помощь, чтобы только им не возвращали детей. Было сделано обращение к родителям, большинство которых жили в других городах и деревнях, о материальной поддержке института, но это не дало результата. Тогда возникла мысль о реализации ценностей и я внес это предложение, которое и было принято.

Подсудимый заявляет, что никакого хищения не было и не могло быть, потому что действовали совершенно открыто. Об изъятии знали все служащие и преподавательский персонал.

Подсудимый Дубровицкий заявляет, что задвижку ножничком отодвинул он, снял с иконы ризы, которые потом и были перенесены в клубное помещение и в класс. Он не считал, что, открывая задвижку, совершает преступление, так как зальце не было опечатано. Состоя в должности заведующего хозяйственной частью, он считал, что имеет право проникнуть в зальце, больше того, при исполнении распоряжения Янковского он обязан был это сделать.

О том, что расхищения быть не могло, что изъятие совершалось открыто, свидетельствуют и ктитор церкви Зальман, и преподаватель Емельянов.

По делу об изъятии ценностей из церкви консерваторин допрашиваются подсудимые: священник Толстопятков, бывший морской офицер, и ктитор церкви профессор по классу фортепиано Ляпунов. Они протестовали против опечатания церкви, причем Ляпунов призывал на голову комиссии «кару Божию». На суде они показали, что ключи от церкви не были отданы комиссии, потому что она не представила соответствующего мандата на это, и их протест вызван был лишь

недостаточной выясненностью формальной стороны дела. По формальным же соображениям Ляпунов отказался подписать акт об изъятии.

На формальной почве произошел инцидент при больничной церкви. Так, по крайней мере, заявляют привлеченные по этому делу священник Ливенцов и врач Соколов. Их спор с комиссией привлек толпу больных, и произошла сумятица, шум, крики.

Соколова сверх того обвиняют в том, что толпа больных явилась по его зову, что он не успокаивал толпу, а, наоборот, возбуждал ее и еще раньше им была подписана бумажка об оставлении ценностей при церкви.

Оба подсудимые вину свою отрицают. Пререкания с комиссией были, но не на почве нежелания отдать ценности, а именно из-за формальных недоразумений. Соколов бумажку подписал за отсутствием председателя церковного совета.

Священник Скорбященской церкви Никиташин, обвиняемый в распространении писем митрополита, заявил, что письма эти он нашел в алтаре. Как туда они попали, он не знает.

Аналогичное заявление сделал священник Акимов. Он также не знает, каким образом попали письма к нему в алтарь.

Священник Флеров заявил, что письма митрополита огласил в церкви с целью подготовить верующих к изъятию и успокоить их на тот счет, что изъятие будет производиться с соблюдением требований, выставляемых митрополитом.

Священнику Ивановскому вменяется в вину председательствование в приходском совете, на котором были оглашены письма митрополита и было решено, что если не будет дозволено существование, по оказанию помощи голодающим, самостоятельной церковной организации, то ценностей не отдавать.

Подсудимый заявляет, что в этом вопросе миряне оказались правее духовенства, а самый протокол, им подписанный, был составлен в неудачной редакции.

Священник Соколов, которого обвиняют в агитации в толпе и ставят в вину его фразу о том, что «большевикам скоро будет конец», заявляет, что все обвинения его — плод недоразумения, а инкриминируемая фраза — злая ирония. Он, напротив, убежден и говорил, что большевики теперь сильнее, чем когда-либо, и с каждым днем крепнут. Про него говорят, что он — социалист-революционер. Но он не только не принадлежал ни к каким партиям, но говорил всегда, что духовенство не должно заниматься политикой. На этом основании при выборах в Государственную Думу он сам ни за кого не голосовал и другим лицам в сане священника этого делать не рекомендовал.

Заведующая 29 убежищем престарелых Черняева заявляет, что она вступила в пререкания с членами комиссии по изъятию потому, что среди них не было того лица, которое опечатало церковь убежища, а, по ее представлению, открыть церковь и снять печати мог только тот, кто ее запечатал. Она боялась ответственности.

— И подняли шум, на который сбежались призреваемые?

— Я не шумела, но волновалась.

— А истерику закатили?

— Нет. Просто была нервно расстроена.

— Быть может, истерика все-таки была? — допытывается защита.

— Если вы нервное расстройство считаете истерикой, то я и сейчас могу в нее впасть.

— Садитесь, — прекращает допрос председатель.

Начинается допрос лиц, задержанных в толпе во время беспорядков.

Студент Антонов, задержанный 24 апреля на Невском, близ Казанского собора, заявляет, что он зашел в собор помолиться.

— Приложившись к особо чтимой иконе Казанской Божьей Матери, я, по выходе, увидел несколько старушек. Я люблю разговаривать со старыми людьми и вмешался в их разговор. Потом был арестован.

— О чем же вы разговаривали?

— Разговор шел об изъятии. Я сказал, что ценности жаль отдавать: сколько лет их скапливали отцы и деды.

— А о сопротивлении вы говорили?

— Нет. Следователю я заявил, что если бы Богу было угодно, я бы отдал безропотно свою жизнь, и что если я не буду жить по воле Бога, то вообще моя жизнь не дорога. До меня доходили слухи о том, что являющиеся для изъятия ценностей даже не снимают шапок, и следователю я сказал, что, если бы это случилось при мне, я встал бы перед иконой, с которой хотят снять ризу, и загородил бы ее своим телом. Меня оттолкнули бы, но я, не оказывая сопротивления силой, снова встал бы.

— Вы против изъятия?

— В принципе — за. Но мне казалось, что еще не все меры помощи голодающим исчерпаны, а изъятие должно быть крайней мерой.

— Вы верующий?

— Да. Я так воспитан с детства.

Зато целый ряд последующих подсудимых заявляют, что они или нерелигиозны, или совершенно равнодушны к церкви и изъятию и задержаны в толпе случайно. В толпу попали из любопытства.

Козеинов говорит, что он нерелигиозный.

— Для меня все равно, будут ли в церкви ценности или нет. Мною они не создавались, отцы и деды мои также их не создавали — какой мне в них интерес?

Арестовали его, как он говорит, «какие-то дети».

— Что вам известно по этому делу? — спрашивает председатель Филатова.

— Ничего не известно. Меня лично изъятие не касается, поэтому оно меня и не интересует.

Подсудимый Гурьянов к церкви равнодушен и в нее не ходит.

Абдамов (армянин) заявляет, что в эту церковь, близ которой он задержан, попал первый раз.

— В какую же вы ходите?

— В разные. Когда в русскую, когда в армянскую, когда в греческую.

— Вы кого-нибудь били?

— Даже не видал.

— Как относитесь к изъятию?

— Раз наше правительство сказала, что нужно изъять — пожалуйста бери.

— Вы какой национальности?

— Чистильщик. Сапоги на углу чистим.

— Откуда приехали?

— Из Персии. Нас там немного резали. Совсем зарезали...

О своей нерелигиозности говорит и подсудимый Кравченко, музыкант по профессии: перед арестом у Казанского собора он только выразил сожаление, что ценности будут изъяты, так как они представляют из себя ценность историческую.

Бывший красноармеец Семенов заявляет, что за 5 лет ни разу не ходил в церковь. Он попал в толпу случайно, никаких мнений не высказывал, только разгонял ребят, которые безобразничали у церкви. Тем не менее был арестован и при аресте оказал сопротивление, оторвав у милицейского полу шинели.

— Зачем же вы это сделали?

— Он стал ломать мне руки. А я — больной, со мной бывают припадки. К тому же он выстрелил.

— Призывали на помощь?

— Нет, — отвечает подсудимый. Он производит действительно впечатление больного и на вопрос защиты отвечает, что его отец в припадке умопомешательства утопился.

18-летний Сеиюшкин заявляет, что у Знаменской церкви говорили много нелепого о том, что ценности пойдут на золотые зубы комиссарам. Поэтому он там сказал, что лучше бы было, если бы правительство и духовенство пришли к какому-нибудь соглашению, тогда не было бы этого безобразия.

Студент Высокоостровский заявляет, что он верующий, религиозный. Попал в толпу из-за любопытства

и там высказал соображение, что хорошо бы было, если бы верующих допустили в комиссию по изъятию ценностей.

— Вы с духовенством хорошо знакомы?

— Я теперь знаком хорошо. В тюрьме познакомился...

Артист Миронов, тоже верующий. В толпе сказал, что все было бы лучше, если бы само духовенство произвело изъятие.

Допрос остальных подсудимых этой группы представляет из себя такую же пеструю смену лиц, возрастов, социального положения и полов. Все они или высказывали в толпе различные взгляды на ценности, или, по их заявлениям, были арестованы по ошибке. Почти все они заявляют, что попали в толпу движимые обычным в таких случаях любопытством.

И из этой серии подсудимых не было никого, кто заявил бы себя противником изъятия ценностей.

Допрос подсудимых окончился.

Трибунал приступает к допросу свидетелей, которые вызваны по этому делу в числе 42-х. Часть их не явилась. Ни защита, ни обвинение не настаивают на их разыскании или приводе.

Глава пятая

Допрос свидетелей

Допрос свидетелей начался на 13-й день судебных заседаний — 26 июня.

Первым допрашивался профессор Егоров, имеющий близкое отношение к Правлению православных приходов. Он дает в своих показаниях о Правлении и его деятельности приблизительно то же самое, что показывали обвиняемые. Равным образом подтверждает показания митрополита Вениамина, причем выясняется или близкое его знакомство с делом во всех его деталях, или непосредственное участие в нем. В части вопросов он оказался более компетентным, чем некоторые из подсудимых.

На это обстоятельство указывало обвинение и в конце концов поставило вопрос:

— Какой же это свидетель? Его место на скамье подсудимых.

В конце допроса обвинитель Смирнов возбудил перед трибуналом ходатайство о перечислении профессора Егорова из свидетелей в подсудимые, с применением статей для первой группы и той же мерой пресечения.

Защита горячо возражала.

После совещания трибунал постановил возбудить против Егорова судебное следствие для привлечения его к судебной ответственности.

Вызывается представитель прогрессивного духовенства священник Забировский. Он заявил, что принимал косвенное участие в посещении митрополитом Вениамином Смольного и был свидетелем разговора митрополита с Канатчиковым и Комаровым и подтверждает слова Канатчикова о его желании безболезненно провести в жизнь декрет об изъятии ценностей.

Между прочим, во время этих переговоров митрополит просил Каянчикова и Комарова не вывозить ценностей из Петрограда и не отправлять их в Москву. Кроме того, митрополит высказал пожелание иметь своего представителя в комиссии по распределению ценностей.

Комаров на это выразил согласие.

У свидетеля явилась полная уверенность, что соглашение если пока не достигнуто, то будет достигнуто. Эта уверенность вызвала бодрое настроение.

Здесь же, в Смольном, он попросил разрешения огласить на предстоящей лекции письмо митрополита и, получив его, действительно огласил на лекции в консерватории и вообще старался успокоить слушателей на тот счет, что вопрос об изъятии будет разрешен благоприятно.

— Все ли целиком вы огласили письмо?

— Нет, конец письма не оглашал.

— Почему?

Свидетель дает уклончивый ответ, объясняя неоглашение тем, что во время лекции он, естественно, волиовался и не сказал всего, что хотел бы.

На другой день при встрече с митрополитом последний сказал ему, что напрасно он поторопился с успокоением, так как вопрос опять осложнился.

— Как вы смотрите на старую церковь?

Свидетель характеризует церковь с точки зрения идей новой церковности.

— Нет, вы скажите, считаете ли вы старую церковь контрреволюционной или нет?

— Да. В старой церкви чувствовалась и существовала большая приверженность к прежнему режиму.

Показания другого представителя прогрессивного духовенства священника Боярского не внесли ничего нового.

В некотором роде исключительными были показания заместителя председателя высшего церковного управления священника Красицкого.

Он дает определению неблагоприятные показания

для подсудимых. Больше того, не ограничиваясь фактической стороной дела, он сообщает свои выводы и обобщения, неблагоприятные как для старой церкви вообще, так и для представителей ее в лице обвиняемых, в частности.

По его мнению, письма митрополита написаны в духе воззвания бывшего патриарха Тихона и конечной своей целью имеют противодействие добровольной сдаче ценностей. В этом отношении позиция, занятая митрополитом, ни в каком отношении не может быть названа правильной. Если встать не только на точку зрения христианской морали и вообще духа христианского вероучения, но и на точку зрения буквы церковных канонов, то и тогда никакого основания для противодействия найти нельзя.

— В чем заключается новое течение в церкви?

— Оно явилось в противовес тому направлению церковности, которое характеризует старую церковь.

Свидетель дает резкую характеристику старой церкви, перечисляет ее грехи в прошлом и настоящем. Много зла церкви принесла контрреволюционная направленность монашеского духовенства, которое фактически возглавляло церковь, давало направление всей ее деятельности. На противоречиях между белым и черным духовенством свидетель останавливается довольно подробно и заявляет, что разрыв новой церковности со старой фактически означает освобождение белого духовенства от монашеских верхов и, следовательно, от контрреволюционного направления. Движение, зародившееся в Петрограде, теперь охватило 21 губернию.

— Каково положение дел в высшем церковном управлении?

— В основу «церковной революции» были положены отречение патриарха Тихона и передача патриаршего престола митрополиту Агафангелу. Но затем обстоятельства изменились, и под давлением общественного мнения верующих пришлось образовать высшее церковное управление с введением в него

представителей белого духовенства. В задачу управления входит освобождение духовенства от власти капиталистов, предоставление белому духовенству прав на епископство, право контроля и управления суммами церкви и пр.

Далее свидетель снова характеризует старую церковь. Она сохранила свой классовый характер, верхи ее полны симпатий к буржуазии, в ней отсутствует демократизм.

Что касается Правления православных приходов, то свидетель склонен рассматривать его преобладающее настроение как контрреволюционное. Оно состояло «из монашествующих кадетов», в нем преобладали миряне, а не священники.

По заключению свидетеля, движение уличных фанатиков носило организованный характер.

Защита спрашивает:

— Скажите, свидетель, вы давно исповедуете такие демократические убеждения?

— Давно. Диссертация моя по окончании духовной академии была посвящена христианству и социализму*.

— А не приходилось ли вам писать в «Епархиальных Ведомостях» статей, так сказать, обратных теперешним вашим убеждениям?

— Да, я писал.

— Скажите, вот вы называете членов Правления кадетами. Как это следует понимать: так ли, что они по убеждениям своим склонны к кадетизму или что они состоят членами кадетской партии? Вы ведь должны понимать разницу, так как сами состояли членом русского собрания. Ведь вы во время процесса Бейлиса в этом собрании делали доклад об употреблении евреями христианской крови.

— Делал, — признается свидетель и далее по существу вопроса дает уклончивый ответ.

---

* Как потом выяснилось, в этой диссертации автор подвергал жесточайшей критике основы социализма.

Стороны признают существенно важными показания протонерея Введенского и возбуждают перед трибуналом ходатайство об откомандировании к нему на квартиру комиссии из 2-х врачей для освидетельствования состояния его здоровья.

Вызывается свидетель — начальник милиции Спасо-Сенного района. Там собралась большая толпа и, когда свидетель пробовал уговорить их разойтись, уговоры ни к чему не привели.

Увидев, что на стенах церкви висит какое-то объявление, свидетель хотел пробраться к нему, но толпа оттеснила его, потом смяла и начала наносить побой. В результате у него было выбито 18 зубов.

Свидетели — члены районной подкомиссии Смольнинского района Запьяко и Грибов рассказывают о столкновении с толпой у церкви больницы Свято-Троицкой общины и о препирательствах со священником Ливенцовым и доктором Соколовым.

— А что, доктор успокаивал толпу больных?

— Нет, он ругал вместе с ней комиссию.

— А как фамилия врача, который ругался?

— Не знаю.

— Подсудимый Соколов, встаньте! Не этот ли врач?

— Да, этот.

— А ругал он «жидов»?

— Нет, этого не слышал.

Свидетель Игнатьев, начальник милиции 16-го отделения, рассказывает об аресте и сопротивлении при аресте подсудного Семенова. Чтобы рассеять толпу, собравшуюся на крик Семенова, свидетель принужден был выстрелить в воздух.

Во время показания этого свидетеля с подсудимым Семеновым делается припадок.

Свидетель Садков рассказывает о беспорядках у церкви Введения и обстоятельствах ареста Королева.

Свидетель Фирсов дает показания о противодействии изъятию ценностей Союзова, который «сидел на корзине с ценностями».

Целый ряд дальнейших свидетелей повторяют уже пройденную на судебном разбирательстве картину обвинения, и, не исчерпав всего списка, трибунал заявляет, что обстоятельства дела он считает достаточно выясненными, поэтому дальнейший допрос свидетелей постановляет прекратить.

Стороны возбуждают ряд ходатайств о приобщении к делу различных документов, в том числе защита ходатайствует о приобщении документа, из которого явствует, что изъятие в Петрограде в общем прошло благополучно.

Большинство ходатайств защиты отклонено.

Глава шестая

Речи общественного обвинения

29 июня председатель, объявив судебное разбирательство дела оконченным, предоставляет слово обществу обвинению.

Встает обвинитель Красиков.

Свою речь он начинает с оглашения статей 119 и 62, оговорившись, что эти статьи, конечно, хорошо известны как трибуналу, так и всем участникам процесса. Но данное дело имеет громадное значение, и часть публики, заинтересованная им, вероятно, не успела еще ознакомиться с новым уголовным уложением, и это обстоятельство побуждает его огласить статьи.

Огласив статьи, обвинитель заявляет, что они применены к подсудимым первой группы вполне правильно.

Центр тяжести данного дела лежит в натиске международной буржуазии. Процесс ни в коем случае нельзя рассматривать как преследование религии. Он направлен против той церковной организации, которая использует религию и религиозные предрассудки в целях контрреволюции и испровержения советского строя. С религиозными предрассудками мы боремся образованием, книгой, техникой. Нельзя карать человека за его религиозные убеждения, но с использованием этих убеждений для вредных целей можно и должно. В особенности если это использование направлено в плоскость политическую.

Когда революция разрушила старую систему, она должна была разрушить часть той организации, которая всегда шла рука об руку с монархами. Обвинитель вскрывает сущность противоречия между господством рабочего класса и старой церковью и говорит: декретом об отделении церкви от государства правительство

разрушило связь между собой и церковью; оно экспроприировало у церкви собственность. С этого момента начинается борьба старого церковного аппарата, юридически разрушенного, но фактически существующего, с властью. В Октябрьскую революцию был создан патриархат. Патриархат по существу своему — монарх в церковной организации. Он заступил место Николая II. Аппарат строгой бюрократической иерархии, пронизывающей церковь сверху до низу и крепко спаивающей отдельные ее звенья железной дисциплиной, сохранился. Все интересы и симпатии этого аппарата остались прежними. И этим объясняется та ненависть, которою проникнута эта иерархическая организация к существующему советскому строю. Когда против этого строя ополчилась новая и старая буржуазия, церковь оказывала ей всемерную поддержку. В истории российской контрреволюции церковь сыграла огромную роль. Достаточно вспомнить интервенцию и внутренние гражданские войны.

Если взять отзывы главы русской церкви на все важнейшие акты советского правительства, то будет ясно видно это постоянное желание вставлять палки в колеса Советской власти. Вспомните воззвания патриарха по поводу военного коммунизма, его отношение к Брестскому миру и т. д.

Но советское правительство с честью вышло из многочисленных испытаний, и когда церковь почувствовала, что оно окрепло, — ситуация изменилась. Церковь изменила свою прямолинейную борьбу с властью, стала прибегать к лозунгам, в которых будто бы нет ничего политического.

Но тем определеннее раздается голос зарубежного духовенства. Церковный собор, созванный в январе под председательством Антония, митрополита Киевского и Галицкого¹³, говорит, что если на конференции или еще где-нибудь признают большевиков, то в других государствах то же будет, что и в России. Непризнание большевиков, холод, голод и эпидемии ослабят их власть.

Это — голос зарубежного духовенства. Но российское духовенство здесь этого сказать не может, почему и прибегло к языку канонов. Прикрываясь канонами, оно, в сущности, творит то же самое, что и духовенство зарубежное. Здесь — полная согласованность действий с мировой контрреволюцией, белогвардейской кликой, единство действий всего церковного аппарата. Иначе и быть не могло. Ведь церковь сверху донизу построена на иерархическом принципе. Свободная церковь только еще нарождается, а в старой церкви нарождается противоречие интересов белого и черного духовенства. Положение белого духовенства тяжело: оно согласно идти с массой верующих, а черное духовенство грозит грехом, смертью, анафемой. Оно — между двух огней. С одной стороны — народ, с другой — иерархия. Самая иерархическая система неизбежно должна была вызвать столкновение с трудовой массой.

Когда в Петрограде на почве изъятия ценностей произошел раскол между частью белого и черного духовенства, то по отношению к первым были применены обычные средства их изоляции от массы: анафематствование, отлучение от церкви. Это, конечно, уже политическая борьба. Теперь раскол усиливается. По заявлению священника Красницкого, за новой церковью идет 21 губерния, которая готова ниспровергнуть гнет черного духовенства.

Обвинитель заканчивает свою речь выводом: хотя церковь теперь и отрешивается от политики, но она никогда не оставляла политической борьбы, а эта борьба — борьба контрреволюции с революцией.

Подвергнув большому сомнению лояльность митрополита Вениамина, о которой он заявлял на суде, обвинитель говорит: поскольку борьба велась в плоскости политической и поскольку в этой борьбе участвовала тесно сплоченная иерархическая организация, постольку на нее нужно смотреть как на организацию контрреволюционную, стремящуюся к ниспровержению Советской власти.

Выступает второй обвинитель — Смирнов.

Его горячая речь полна резких выпадов по адресу духовенства. Часть речи направлена скорее против духовенства в целом, чем против его представителей на скамье подсудимых, и это дало повод защите упрекнуть обвинителя в огульных и голословных обвинениях.

Речь неоднократно прерывалась, в наиболее сильных и темпераментных местах, аплодисментами; председатель заявлял:

— Прошу соблюдать тишину.

— Три недели тому назад, — начал свою речь обвинитель, — мы приступили к анализу настоящего тяжелого дела. Мы старались выявить физиономию каждого подсудимого, установить его психологию, его политические взгляды и убеждения. И несмотря на все усилия, работа оказалась малопродуктивной. Ибо слишком трудно проанализировать тот букет, который цветет на скамье подсудимых. Слишком умело и тонко они умеют завертывать в непроницаемую скорлупу то ядро, которое хотят скрыть. И это понятно. Ведь здесь так много лиц с высшим образованием. Тяжких трудов стоило вызвать на поверхность их историческую работу и общественную деятельность. Наша обязанность — всесторонне осветить каждую индивидуальность в отдельности, ибо мы, марксисты, привыкли отыскивать в каждом явлении социальные причины.

Кто побудил совершить тягчайшие преступления этих, кажущихся такими тихими, скромными, беззащитными?

Они говорят здесь, что все они за изъятие, все за Советскую власть. Ложь! Вспомните кровавые страницы 1919—1920 гг., когда также раздавался набатный звон и под звуки набата эти смиренные отцы призывали к диким насилиям.

Мы не обвиняем церковь, не идем против религии и веры, но постоянно будем избличать тех предателей и изменников, которые используют все это в своих гнусных целях.

Обвинитель остановился на непосредственной

контрреволюционной деятельности главы духовенства патриарха Тихона, на его отношении к изъятию и восстановил в памяти события, разыгравшиеся на территории советской республики — в Смоленске, Звенигороде, Москве.

Святые отцы говорят, что каноны против изъятия. А для церкви глухонемых каноны ничего не говорили, когда там для изъятия проникли в запечатанное помещение, ночью порой, а старый священник светил свечкой, в то время как остальные тащили ценности.

Что же, в конечном счете Христос сказал разве, чтобы церковь давала голодным умирать с голода? Лицемеры, лжецы! Каноны не препятствуют изъятию, а препятствовали вы. Только что вышел декрет об изъятии ценностей, как, по свидетельству протоиерея Введенского, профессор Новицкий отправляется к патриарху Тихону за инструкциями, и начинается плановая работа по организации противодействия изъятию. Дело было поставлено очень тонко, очень осторожно, и по внешности как будто бы нет здесь никакой организации, которая бы действовала с преступными целями. Но когда помотришь повнимательнее на вашу подпольную работу, то увидишь здесь настоящую белогвардейскую организацию, возглавляемую этими изменниками и предателями.

Мы знаем, что вас будут здесь всячески обелять, стараться представить невинными агницами. Но ведь это так понятно. Ваши защитники также лица с высшими юридическими образованиями. Большинство тех, кто будет вас защищать, мало знают жизнь кипящего котла рабочего.

Остаиваясь на деятельности подсудимых первой группы, обвинитель называет их главным штабом церковно-политического фронта. Он говорит о страшном бедствии — голоде и о тех мерах, которые принимались с целью усилить это бедствие и подорвать Советскую власть. В числе этих мер было организованное противодействие изъятию церковных ценностей, под руководством так называемых активных

членов Правления Союза православных приходов. Это они привели сюда, на скамью подсудимых, представителей темной массы населения, а сами безмужественно, трусливо прячутся за их спину.

Поддерживая против них обвинение, Смирнов в конце своей речи говорит:

— Товарищи судьи! Вспомните, чья воля и для какой цели послала вас на этот революционный пост. Вспомните, что революционное правосудие требует от всех неуклонного исполнения долга перед рабочим классом. Вы, конечно, найдете в себе достаточно силы для прощения тех обманутых и несознательных, которых обманом заставили делать злое дело. Но вы должны и найдете в себе силу для сурового возмездия над настоящими виновниками этих преступлений.

Речь покрывается аплодисментами.

Свою речь обвинитель Драицын начинает со ссылки на английского писателя Уэллса, сказавшего, что голод в Поволжье есть продукт политики Антанты. Эта политика проводится планомерно везде и всюду теми, кто стоит за буржуазию, кто готов исполнять все ее планы, кто предал для нее интересы трудящихся. И немудрено, что эта политика проводилась князьями отживающей церкви, для которой интересы буржуазии всегда были дороже всего. Воззвание патриарха Тихона есть продукт политики лжи и обмана.

Когда я ознакомился с посланием митрополита Вениамина в Помгол, то ощутил в себе гнев Савонаролы, обличавшего духовенство в эксплуатации темноты и невежества своей паствы.

Противодействие изъятию ценностей основывают на церковных канонах. Но это шаткое основание, уничтожить которое не составляет больших затруднений. Обвинитель приводит ряд доводов, из которых, как следствие, вытекает, что изъятие не только не противоречит канонам, наоборот, опирается на них. Канонических оснований и не было, а противодействие имело свою политическую подкладку — интересы кон-

треволюции. Этому способствовало также отмирание социальных инстинктов, сделавшее духовенство слепым и глухим к стонам и мукам голодающих. Духовенство не использовало тех возможностей, которые открывались перед ним, и вместо проповеди любви и милосердия вступило на путь открытой борьбы и контрреволюции.

В данном деле, быть может, юридических фактов мало. Но это и понятно. Мы являемся свидетелями величайшей борьбы и усилий, и, быть может, в этой борьбе не все бывает отмечено. Обвинитель также подчеркивает, что власть не является гонительницей религии. Обычно, для того, чтобы показать, что власть проводит гонения на церковь, ссылаются на закрытие домовых церквей. Но это не есть антирелигиозный акт. Мы знаем, что еще в 1718 г. было издано распоряжение о закрытии домовых церквей. Мы знаем, что то же самое было сделано монастырским приказом. Домовые церкви нашего времени являлись по существу салонами, в которых говорилось на французском языке, были местом свидания знати, и Советская власть должна была их закрыть, предоставив всем желающим молиться в приходских храмах.

Остановившись подробно на данных обвинительного акта и судебного следствия в отношении ряда обвиняемых в отдельности, Драницын заканчивает свою речь:

— Я исполнил свой общественный долг перед трибуналом; трибунал должен исполнить свой долг, применив к подсудимым те статьи, которые им предъявлены обвинительным актом.

Последний обвинитель — Крастин. Он говорит:

— На мою долю выпала, быть может, самая тяжелая, самая ответственная задача — обвинить то «духовное воинство», которое, повинувшись распоряжению своих духовных водителей, производило буйство, избивало милицию, граждан, членов комиссии по изъятию церковных ценностей. Из кого состояла эта толпа? Из подростков, женщин всех видов и типов, торговцев,

людей без определенных занятий и частично из интеллигенции.

Здесь говорили и будут говорить, что арестовывали без разбора. Но это неверно. Фльтрация была, и довольно тщательная. На одном Сенном базаре из огромной толпы участников беспорядков было арестовано лишь 90 человек. А из них — лишь несколько попали на скамью подсудимых. Арестовывали действительно виновных, агитаторов, участников избиений, и после арестов среди них все-таки производили фильтрацию. Когда я ознакомился с представителями этого воинства, я успокоился: им не грозит суровое наказание, среди них нет инициаторов беспорядков. Меня поразили лишь тот факт, что из 50 человек подсудимых около половины — молодежь. Как она сюда попала? Неужели это та молодежь, которая беззаветно сражалась на фронте, стремилась к знанию, просвещению, наполняла аудитории и горячо аплодировала строкам «Сакья Муни», когда великий Бог склонял свою вечную голову во прах, чтобы голодные нищие могли снять с нее драгоценности? Как такая молодежь могла пожалеть камни, которые украшали иконы? Неужели она согласилась поддерживать того богача, который сидит в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и боится, что с его стола попадут крохи в руки голодного Лазаря — русского голодающего? Объяснение этому нужно искать в том, что представители такой молодежи вышли из обиженных слоев русской революции, веками воспитанных в религиозных предрассудках, ищущих и теперь в ней счастья и успокоения. Но эта религия, или вернее церковность, имеет свою дисциплину, худшую, чем в старой царской армии. Она делает их глухими и слепыми. Это она заставила их не видеть, что на Волге люди умирают в страшных муках голода. Для них был бы лишь идол во всем его неприкосновенном великолепии. Ярким примером служит Киселев, попавший в монастырскую обстановку, весь пропитавшийся ладаиом, который теперь с улыбкой озирается и спрашивает: «Какой я герой?» Жалко человека, не

понимающего своей жалкой роли. Это великолепный экземпляр для всех вербовщиков в ряды духовного воинства.

Умирает старая феодальная церковь, нарождается новая буржуазная, в которой я тоже ничего хорошего не вижу. С ней, быть может, придется больше бороться, потому что во главе ее становятся люди, искушенные в борьбе.

Старая же церковь — отвратительна. В нее стекало все, что есть темного; она всегда готова была вступить в бой со всем, что идет вперед, что движется, и изъятием она воспользовалась только как предлогом. Как только дан был предлог закопшиться — церковь закопшилась. Она, конечно, была твердо убеждена, что канонических препятствий нет. И тем не менее в основание своих подвохов выставляет каноны, и группа представителей старой церковности вызвала на борьбу те скрытые силы, которые у нее имелись в запасе, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы не случился прорыв фронта внутри самой церкви, не произошел в ее среде раскол. «Духовное воинство» — это жалкая толпа, которая при малейшем нажиме постыдно ретировалась, среди нее нет ни одного яркого, мужественного представителя. В ней нет выдающихся лиц. Это — рядовые, их начальство — не крупнее командира взвода.

Переходя к обвинению отдельных лиц, задержанных в толпе, обвинитель иронизирует над теми «случайностями», которые привели их на скамью подсудимых. Каждый из подсудимых случайно шел, случайно попал в толпу, случайно был арестован. В частности, останавливается на арестованных у Путиловской церкви. Это — рабочий район, и можно было бы подумать, что на защиту ценностей встали рабочие. Но стоит только приглядеться повнимательнее к подсудимым, то станет ясным, что они ничего общего с рабочими не имеют.

Обвинитель поддерживает обвинение против всех подсудимых, кроме четверых: свящ. Бобровский, в

сущности, попал в священники по недоразумению; Закржевская — говорит глупости, это просто сплетница; Савельева — тип женщины, которая по свадьбам бегаёт; Соустов — тоже едва ли на что-нибудь способен.

Отказаться от обвинения этих лиц обвинителя составляет не сознание полной их невиновности, а их безвредность.

— Я не прошу ни твердого, ни мягкого приговора. Совесть вам, товарищи судьи, подскажет вынести приговор справедливый.

Глава седьмая

Речи общественной защиты.— Реплики сторон

— Слово предоставляется представителю общественной защиты,— заявил председатель трибунала.

Встает профессор Жижиленко.

— По религиозным убеждениям я — атеист. Если мне приходится выступать в данном процессе, где в качестве обвиняемых фигурируют священники и представители высшего духовенства, то только потому, что я как специалист в области уголовного права не могу равнодушно относиться к тем основаниям, на которых зиждется обвинение.

1 июня в области суда и закона произошел знаменательный факт. Вместо царившего до сих пор хаоса и неопределенности введены определенные нормы, данные опыта и идеи революционного правосудия заключены в строгие рамки закона. Это — весьма важное завоевание революции. Новый уголовный кодекс мне хорошо знаком. Первоначальный его проект был прислан мне на просмотр, и мои замечания по нему были приняты во внимание. Я был затем приглашен в число членов комиссии по его разработке, и только по болезни я был лишен счастья быть одним из его авторов. Все это я говорю для того, чтобы вы с доверием отнеслись к моему утверждению, что дух нового закона, его черты отличия от старого мне хорошо знакомы.

В основу нового закона положен принцип: задача правосудия не есть возмездие, а предупреждение преступлений, приспособление нарушающих закон к общежитию, изоляция их от общежития.

Второй принцип — идея законности. Мы пережили эпоху, в которой основной лозунг был «долой законность». И это было понятно, вытекало логически из смысла революции; затем мы вступили в эпоху так

называемого революционного правосознания, заменявшего нормы закона, и теперь вступаем на путь революционной законности. На этом пути суд — не административная расправа; он судит по закону, а это значит, что суд должен исходить из определенно формулированных понятий о преступлении и каждый конкретный случай подводить под эти формулы. Если деяние совпадает с признаками нарушения данной формулы, преступление — нарушение закона, преступление налицо, если не подходит — состава преступления нет.

Далее под видом общих предпосылок профессор и правозащитник, в сущности, прочел судьям блестящую лекцию для элементарного ознакомления с основаниями уголовного права и закончил ее положением: на суде никто не предполагается виновным, а предполагаются все невиновными и виновность нужно доказывать.

Первой группе подсудимых предъявлены статьи 62 и 119, грозящие высшей мерой наказания. Поэтому нужно быть особенно осторожным и не только не предполагать априори о виновности подсудимых, но толковать всякое сомнение в их пользу.

Признаки преступности по 62 статье предполагают участие в организации, действующей путем возбуждения населения к массовым волнениям в явный ущерб диктатуре пролетариата. Для состава преступления требуется: 1) *наличие такой преступной организации*, 2) *участие* в ней, 3) *преступный образ действий* и 4) *преступные цели*. Если нет хоть одного из перечисленных элементов — вся статья отпадает.

Была ли *преступная организация* и какова она? Один из обвинителей считает преступной организацией всю церковную иерархию. Но тогда — это безбрежное море, которое заключить в определенные рамки нельзя. А для наличия организации требуются какие-то пределы. Обвинитель в данном случае выразил только общую мысль, поэтому другой обвинитель, Смирнов, был более прав, когда конкретно указал на преступную

организацию. Это — Правление православных приходов. Во время судебного следствия достаточно выяснился его характер. Это — частная организация, действующая по определенному уставу, но без определенного плана, организация, лишенная какого бы то ни было авторитета и веса. Из нескольких сотен церквей в нее входили лишь 50—60 приходов. Это было скорее бюро справок, чем, как ее здесь удачно называли, «говорилия». В это Правление входили 30 членов. Но почему же к судебному преследованию привлечены не все члены «преступной организации», а только 12? Правда, из среды Правления была выделена так называемая активная группа, но каковы признаки их активности — не указано. Нельзя же считать активным членом номинального секретаря, который даже на собраниях не участвовал, — только за то, что он имеет звание секретаря. Я считаю, что сами обвинители не могли точно указать ту организацию, участие в которой карается 62 статьей.

Допустим, что организацию составляли некоторые лица, но в чем выразилось их *участие*? Этого обвинение также не указало. Говорят — собрание у Аксенова. Но это, так сказать, однократное действие, бывшее только однажды, тогда как участие предполагает действие многократное, систематическое. К тому же, если бы собрание у Аксенова было признаком участия в преступной организации, то почему не привлечен к ответственности сам Аксенов? Наконец, если бы на этом собрании было учинено преступное действие, — а этого обвинение не доказало, — то можно было бы говорить лишь о соучастии, о соглашении.

Затем ст. 62 предполагает *действие преступным путем*. Но где этот преступный путь? Говорят, что члены организации вступили в переговоры с властью в целях изменения декрета об изъятии церковных ценностей. Если бы это было так, то речь могла идти лишь о покушении на преступление, причем о покушении с негодными средствами. Указывают еще на коллективную выработку писем митрополита. Но ведь

установлено, что митрополит письма писал сам и только сообщал о них Правлению постфактум. Писем этих Правление, как таковое, не распространяло. Остановившись на характере этих писем, профессор Жижиленко отметил прежде всего их, так сказать, неперподичность. Юрист таких писем не написал бы. Рассматривать их как ультиматумы нельзя. Это просто взгляд на те условия, при которых, по мнению митрополита, изъятие ценностей могло бы произойти безболезненно. Одно из таких условий — это постепенность в изъятии — изъятие в первую очередь тех ценностей, которые с точки зрения верующего не имеют характера священных предметов, а затем переход к изъятию священных предметов, предметов, находящихся на престоле. Эта постепенность была необходима потому, что она приучала верующих к новой для них мысли об изъятии. Письма говорят о пожертвованиях. Это понятно. Для верующего в факте отдачи ценностей заключено понятие о жертвенности, о жертве, а жертва может быть только добровольной, и с этой точки зрения «насильственное изъятие ценностей» признавалось актом кощунственно-святотатственным. Эта часть письма считается особо криминальной. Но выхватывать один абзац из письма нельзя. Нужно рассматривать все письмо в целом. Письмам митрополита противопоставляется письмо двенадцати священников об изъятии ценностей как образец правильной и законной точки зрения на это дело. Профессор Жижиленко, подробно анализируя письма митрополита и 12 священников, находит тождество заключенных в них мыслей. Разница лишь в редакции. 12 священников в ной редакции, более осторожно приводят те же мысли митрополита о постепенности, о жертве, о самостоятельности работы церкви в пользу голодающих.

Не находя в деяниях подсудимых и *преступной цели*, профессор Жижиленко такому же подробному анализу подверг 119 статью и заявил, что применение обеих статей за одно преступление является юридическим нонсенсом, промахом, ибо ст. 62 покрывает

ст. 119 целиком. «По своей юридической совести, я считаю единственно возможным применение к 1-й группе подсудимых 3-й части 69 ст.»

Переходя к виновности отдельных лиц, защитник указывает, что на суде раз и навсегда нужно отказаться от общих обвинений. Между тем общественное обвинение систематически к ним прибегало. В частности, здесь коснулись Карловацкого собора, на котором присутствовала группа фашистов, ничего не знающая о России, оторванная от нее. Эти шуты выносили известные постановления, но при чем здесь отдельные подсудимые? Указывали на Иисусовы полки у Колчака. Но при чем здесь данная группа обвиняемых, в чем они провинились? Нельзя же приписывать им все преступления, которые когда-то кто-то совершил. Нужно указать на их преступления и за это судить.

В частности, на чем зиждется обвинение архимандрита Сергия Шеина? На том, что он был товарищем председателя общества православных приходов. Но мы знаем, что у должностных лиц правления никаких определенных функций не было. Указывают, что Шеин в Государственной Думе был монархистом, и отсюда делают определенные выводы о его контрреволюционности. Но Шеин в Государственной Думе интересовался не вопросами политики, а исключительно церковными вопросами и работал в соответствующих комиссиях.

Главный базис для обвинения Огиева — это его сенаторство при Временном Правительстве. «Сенатор» — это слово в устах обвинения является своего рода жупелом. Но нужно помнить и знать, что сенатор при Временном Правительстве — это не сановник царского режима, имеющий заслуги перед царизмом, в звании такого сенатора ничего страшного и одиозного нет. Мы ведь знаем, что в числе сенаторов Временного Правительства был социал-демократ Н. Д. Соколов.

Елачич — действительный статский советник. Это тоже жупел. Но просмотрите формуляр этого действительного статского советника, и вы ничего страшного

там не найдете, а наоборот, найдете его участие в комиссии по расследованию ленинских событий. В его действиях в Правлении нет ничего такого, что дало бы повод считать его за активного члена.

Ковшаров — бывший присяжный поверенный. Жупел? Но ведь он не только гражданский адвокат, но и участник ряда политических процессов.

Перебирая затем обвиняемых по 62 статье, защитник не находит убедительных данных для ее применения.

— До сих пор, — продолжает Жижиленко, — я говорил как криминалист-теоретик или как практик-защитник. Теперь позвольте сказать несколько слов мне как политическому деятелю.

Данный процесс имеет большое историческое значение и чем бы он ни кончился — все равно русская действительность произнесла приговор старой церкви. Она осуждена, умерла, история ее похоронила. Теперь началась новая эра, происходит крупный сдвиг в области религиозной психологии масс под воздействием ряда причин. Среди них огромное значение имеет акт об отделении церкви от государства, но его значение учитывается постепенно, и массы, воспитанные на иной, старой идеологии, с трудом его усваивают. Великое значение революции не исчерпывается только тем, что стерт старый строй и возникает новый, но — что гораздо важнее — в самой психологии масс произошла крупная перемена, та переработка взглядов, понятий и навыков, которая совершенно не учитывается зарубежниками. Они отошли от масс, от их теперешнего быта, и потому так ничтожно влияние тех мнений и постановлений, которые фабрикуются и выносятся за рубежом. Лозунг нашей эпохи — раскрепощение личности от старых уз. Это раскрепощение распространяется и на церковь. Но нужно, чтобы ее обновление протекало безболезненно.

Когда я вижу на скамье подсудимых лиц высокой интеллигентской марки и квалификации, мне делается грустно, что они здесь, а не среди тех, кто работает на

поприще обновления жизни. Я уверен, что настоящий процесс их многому научит и заставит на многое поглядеть иными глазами.

Обращаясь в конце своей трехчасовой речи к Революционному Трибуналу, защитник говорит:

— Вы посланы сюда волею пролетариата. А его воля выражена в новом уголовном кодексе. И вы, судьи, должны руководствоваться этой волей. Представитель обвинения все время говорил о возмездии. Но новое уголовное уложение говорит, что месть и возмездие не должны лежать в основании судебных законов. Это именно и есть то новое, что отличает недавно изданный закон от старого уголовного уложения.

Мечь не есть цель правосудия. Так не мстите же подсудимым за то, что они не сумели изжить старой идеологии, не приспособились к условиям новой жизни.

Следующая речь — общественного защитника Гуровича ¹⁴.

— Позвольте мне, — начал он свою речь, — в этом громком деле обойтись без торжественных вступлений. Я хочу и искренне стремлюсь, чтобы спокойно сказать о том, что я думаю по этому делу. Я являюсь защитником митрополита Вениамина. Он — центр настоящего процесса, к нему сходятся все нити обвинения. Я уверен, что меня выслушают спокойно, и прошу никого не забывать, что я говорю здесь, быть может, от имени умирающих... Я тот голос, которым они говорят, и этот голос должен быть выслушан.

Я должен был бы сразу подойти к сущности дела. Но предо мной стоит ряд глухих стен, и я должен их расчистить. И самое большое препятствие на моем пути — голод. Кошмар, который мы все чувствуем. Есть ли в этом зале хоть один человек, у которого бы сердце не сжималось от боли при сознании тех мук, от которых умирают ближние. Но я боюсь, чтобы этот голод в данном процессе не сыграл роль микроскопа, благодаря которому 26 бриллиантов в три карата, деревянный портсигар с серебряной монограммой, най-

деиные у одиого подсудимого, превращаются в колоссальную ценность. Что сделал каждый из нас, чтобы накормить голодающего? Очень немногое. Есть ли кто в этом зале, кто для этой цели сам по-настоящему поголодал хоть несколько дней, продал бы свой сюртук, галстук? Если есть хоть один, кто поистине исполнил свой долг, — он только один имеет право бросить камень в подсудимых.

Духовенство в прошлом — жалкие рабы, но не хозяева; они, как справедливо указал обвинитель Крастини, были, как рабы, прикованы к колеснице царизма и рабски принуждены были следовать за ней. Много представителей старого духовенства осталось и при советском строе. Но и старое духовенство, несмотря ни на что, все-таки боролось с царизмом. Вспомните дело Бейлиса. Несмотря на свое рабское положение, нашлось ли среди белого духовенства два-три лица, которые бы в эту тяжелую минуту встали на сторону, держащую нож над головой невиновного. Я не говорю, конечно, о выступавшем здесь в качестве свидетеля священнике Красицком, который в эти дни читал доклад об употреблении евреями христианской крови. Но, например, Петроградская духовная академия послала на процесс троих лучших своих представителей — профессоров Коковцева, Тихомирова и Троицкого, которые явились в Киев, чтобы отвести нож убийц...

Тем не менее духовенство во многом грешно, безгрешно и теперешнее духовенство. Но ведь нельзя его винить за все грехи отцов, нельзя винить в грехах, в которых оно неповинно. А между тем здесь это делается. Здесь в вину даже местному духовенству вменяются постановления Карловацкого собора. Но установлена ли здесь связь местного духовенства с зарубежным? Нет. Никакой связи. Для нас неизмеримо важнее Карловацкого собора собор Казаиский, собор Исаакиевский. Приходится протестовать против огульного обвинения духовенства хотя бы потому, что советская власть ответила епископу Кеитерберийско-

му, что огромное большинство представителей высшего и низшего духовенства объединяется вокруг советской власти. Петроградское духовенство реакционно? Но революция в церкви откуда идет, как не из Петрограда. Председатель высшего церковного управления Введенский вышел из среды петроградского духовенства, он до сих пор относится к митрополиту с сыновней любовью и почтительностью.

Нет, на путь обвинения или защиты в мировом масштабе меня не заведешь. Так свободно обращаться с общими положениями, зная, какое они производят впечатление, нельзя. Нельзя неосторожно обращаться с камнями, лежащими на краю пропасти, на дне которой дремлет смерть. Разбудите...

Когда мы входим в здание, построенное обвинением, нас поражает архитектурная ошибка. Отдельные дела связаны одной нитью, механической связью, а между тем связи нет. Даже нет хронологической связи. А отсюда вытекает неправильность конструкции всего обвинения.

Защитник рисует все дело из группировки подсудимых в виде концентрических кругов. В центре — митрополит Вениамин. Что сказать о нем? Он избран на свой пост в 1917 г. Это — первый ставленник народа, который никогда не порывал с народом и тогда еще ходил в рабочие слободки. Здесь про него сказали: «простой, немудрящий сельский попик», и это верно. Он — не князь церкви. Про него, как и про всех подсудимых, говорили: лицемеры, предатели, лжецы. Пусть так. Но одного в нем нет — трусости. Он здесь прямо заявляет: я писал, я делал, я за все отвечаю. Здесь ему задавали вопросы, и, если бы он захотел, он мог бы сказать, что писал письма под известным давлением. Но он не сделал этого спасительного для себя намека. Он взял всю вину на себя, всех покрыл своей мантией.

Защитник далее отмечает, так сказать, отрицательную роль живой церкви в этом деле. Это она заставила сплотиться всех представителей церкви старой. Но все-таки среди них, среди так называемой активной группы

Правления виновных в приписываемых им преступлениях нет. В группе этого духовенства были различные элементы, в том числе представители новой церкви — Введенский, Красницкий, Боярский.

Остановившись на действиях толпы, защитник указывает на ее фанатизм и просит не забывать, что эта толпа той страны, в которой фанатки еще в 1909 году замуровывали себя. Рассматривая 2 письма митрополита и письмо 12 священников, он также не видит между ними существенной разницы: и митрополит, и часть духовенства отнеслись к письму 12-ти отрицательно, то только потому, что этим письмом 12 священников изолировали себя от остального духовенства. Могут ли письма митрополита служить орудием пропаганды? Нет. Между ними и беспорядками нет никакой связи. Останавливаясь на беспорядках, защитник отмечает их незначительность. За два месяца изъятий, при многих сотнях посещениях церквей комиссиями по изъятию, было не более 2 1/2 процентов случаев, когда изъятия сопровождались инцидентами, и только при одном случае было выбито 18 зубов. Факт насилия сам по себе возмутителен, но нельзя требовать за каждый выбитый зуб человеческую жизнь... Что письма не могли иметь никакого значения, показывает тот факт, что местные газеты воспроизводили на своих столбцах выдержки из них, причем самые страшные с точки зрения криминала, в особенности если это только выдержки, без объясняющего истинного их смысла контекста. Если привлекать за распространение писем, то нужно бы было привлечь газеты. Других случаев умышленного распространения экземпляров писем не было. Письма не могли служить орудием пропаганды еще потому, что массы отошли от митрополита, его называли соглашателем, говорили, что он «продался большевикам».

В конце своей речи защитник говорит:

— Что скажет история об этом процессе? Она найдет материал в 5 томе на 1-м листе, в докладе представителя милиции, который говорит, что изъятие

езде протекло благополучно. Будущий историк скажет: изъятие в Петрограде протекло блестяще. Тем не менее был суд, 87 человек судили и... Дальнейшие строки впишите вы.

Вы спокойно разберетесь во всех обстоятельствах дела. Спокоен и митрополит. О нем я никаких просьб не предъявляю.

Могут быть два пути для церкви — путь мученичества и путь подчинения власти. Не ведите церковь по пути мученичества. Это будет большая политическая ошибка.

Раздаются аплодисменты. Председатель заявляет, что аплодисменты неуместны, и замеченные в них будут привлечены к ответственности.

Следующая речь — Гиринского, защитника Новицкого, Чукова, Карабинова и др. Начало его речи вызвало большое недоумение, ввиду отсутствия какого бы то ни было содержания и полной сумбуриности. Председатель несколько раз останавливал его с просьбой пояснить, кого же он наконец защищает, а затем объявил перерыв, после которого защита возбудила ходатайство: ввиду внезапной болезни представителя общественной защиты Гиринского, просим предоставить право защиты его подзащитных т. Равичу.

Трибунал ходатайство удовлетворяет и объявляет перерыв. После говорили, что Гиринский чрезвычайно болезненно относился ко всему процессу и к концу его не выдержал нервного напряжения. Последующие заключительные моменты процесса Гиринский был среди публики.

Свою речь Равич начал с просьбы принять во внимание, что защиту части подзащитных ему придется вести без подготовки. Он остановился на бесправном положении Правления православных приходов, которое соответствовало реальному соотношению сил. Оно не могло конкурировать со старой церковной организацией, с ее веками воспитанными навыками и приемами. Новицкому, председателю Правления, приходилось говорить в высшей степени почтительно

и осторожно, потому что он знал: достаточно первого столкновения — и все 50 приходов от него отойдут. Они — т. е. Новицкий, Введенский и др. — шли в Правление не ради лампадного масла. Они, по словам Бенешевича, шли туда потому, что видели разрушение старой церкви, шли с целью ее обновления. Когда я теперь слышу о том, чтобы ввести в богослужение русский язык, чтобы приблизить к молящимся алтарь, я знаю, что это их идеи, их инициатива. Разница между Новицким и Введенским лишь в форме, а не в существе. Введенский — революционер, Новицкий — эволюционист. Но оба они идут к одной и той же цели. У Новицкого также была идея живой церкви, но только он признавал путь медленного к ней подхода. Красницкий говорит, что члены Правления — кадеты. Я не знаю, к какой они партии принадлежат, но знаю, что в Союзе русского народа они не состояли и лекции об употреблении евреями христианской крови не читали.

Когда будете решать вопрос о том, должен ли Новицкий жить или умереть, вспомните его общественные заслуги. В его жизни и смерти есть трагическая черта. Он всю жизнь боролся против смертной казни, над облегчением участи семей осужденных, а теперь ему самому грозит смертная казнь и после себя он оставляет 14-летнего ребенка.

Переходя к защите остальных своих подзащитных, Равич просит обратить внимание на два обстоятельства: на тяжелое положение духовенства при изъятии церковных ценностей, которое, по словам Чукова, оказалось между молотом и наковальней, и на то, что в приходах всех членов Правления при изъятии ценностей никаких беспорядков не было.

Остановившись на данных обвинения в отношении каждого из подзащитных, Равич кончает речь уверенностью, что по отношению к ним приговор не будет жестоким. Если говорить честно, до конца, этого здесь и не нужно. И без такого приговора советское правительство обладает всей полнотой власти. Не нужно создавать новых православных мучеников. Моральная

победа и без того одержана, моральный приговор уже вынесен.

Следующий защитник, Элькин, заявляет, что его речь будет носить лишь деловой характер и из всего делового материала он возьмет лишь самое существенное. Подсудимым инкриминируется предъявление требований властям в смысле изменения декрета об изъятии, причем требований ультимативного характера. Но требований никаких не предъявлялось; были лишь переговоры с целью добиться определенного соглашения. Не было и распространения писем. Любопытные, падкие на всякие сенсации обыватели сами искали эти письма. Но, к их сожалению, в них и сенсационного ничего не было. Центральным местом обвинения, причем не фактическим, а психологическим, являются показания заместителя председателя высшего церковного управления священника Красницкого, который утверждает, что подсудимые члены Правления — кадеты.

— По профессии, — говорит защитник, — я журналист, и раньше, когда я работал, мне приходилось в день прочитывать десятки газет самого разнообразного направления — справа налево. И когда я слушал показания этого свидетеля, я вспомнил, что правые газеты под именем кадетов объединяли все враждебное монархизму. Точно так же в устах свидетеля могло звучать это слово во время его показаний, поэтому оно меня смутить не может.

Переходя к персональной защите, Элькин просит не забывать, что Едлачич был прикомандирован к сенатору Манухину и работал в комиссии по расследованию ленских событий. Говоря о работе этой комиссии, защитник в доказательство точности сообщенных им сведений ссылается на соответствующий том словаря Брокгауза и Эфрона, а также на письма рабочих, характеризующих с положительной стороны подсудимого. И теперь он не отошел от массы и занимал скромное место учителя в военной школе.

Здесь обвинители все время подчеркивали, что

судят не церковь, а за преступления. Но никаких преступлений нет, а есть религия, за которую не судят.

Церковные ценности, создаваемые веками, в сущности, являются кровью и потом народа. К этим ценностям духовенство относилось бережно. Даже тогда, когда не было декрета об отделении церкви от государства и когда ценности рассматривались как принадлежащие церкви, как ее собственность, а не собственность государства, оно бережно хранило эти ценности и в тяжелую годину голода она возвратила народу то, что было и накоплено потом и кровью. Если подсудимым нечего зачесть, то зачтите хоть это. Упрекают духовенство в неоказании помощи голодающим. Но одно ли духовенство повинно в этом? — спрашивает защитник и ссылается на документ — обращение ЦК партии коммунистов о двухнедельной проверке помощи голодающим. Этим документом устанавливается общая виновность всех. Далее Элькин рисует картины общей одичалости на почве голода, общего озверения, боязни за себя, боязни за свою жизнь. Если духовенство виновно в неоказании помощи, то виновны все.

Защитник Павлов сообщает о получении им вчера сведений, что один из его подсудимых, престарелый священник Семенов умер, заразившись в тюрьме сыпным тифом.

— Он уже не нуждается в моей защите, он освобожден. И если в этом процессе нужна искупительная жертва, то пусть будет зачтена эта смерть хотя бы взамен смертной казни, которую обвинение требует для подсудимого священника Богоявленского. Чем доказана виновность Богоявленского? Чем оправдывается предъявление к нему суровой статьи? Ничем. Здесь Правление приходов считают воинственной белогвардейской организацией, чем-то вроде военного штаба. Если это так, то Исаакиевский собор, настоятелем которого был Богоявленский, нужно считать главной крепостью этого штаба. Что же мы видим? Во время предполагаемой войны за изъятие ценностей эта кре-

пость молчала. В одном из богатейших в мире соборов изъятие совершено было безболезненно.

Защитник напоминает, что Богоявленский с 1902 по 1912 г. был тюремным священником в Крестах и оказывал всяческую поддержку политическим заключенным. Он имеет ряд писем с теплой благодарностью от политических борцов. Есть благодарность от матери заключенного коммуниста, теперь уже умершего и не могущего отплатить своими показаниями за то добро, которое сделал для него Богоявленский.

Переходя к защите ряда лиц, арестованных в толпе, защитник говорит, что они уже достаточно наказаны тюремным заключением, что их вина незначительна, и если бы в новом уголовном уложении была статья, карающая за нарушение общественной тишины и спокойствия, им достаточно было бы применения этой статьи. Единственно, о чем может ходатайствовать в этом случае защитник, это о том, чтобы трибунал взял под охрану революционного закона невинных. Возвращаясь к подзащитным, которым грозит смертная казнь, защитник в конце своей речи говорит:

— Граждане судьи Революционного Трибунала! Данная вам власть — страшная, власть лишать жизни. Этой властью в полной мере необходимо пользоваться в период страшных минут и потрясений, но не теперь, когда Советская власть доказала всему миру свою непреодолимую мощь.

Подростков, арестованных у Путиловской церкви, защищает по назначению трибунала Масин-Зон. Он отмечает, что сидящие на скамье подсудимых юнцы в защитных куртках могли бы при иных условиях совершить чудеса храбрости на революционных фронтах, если бы были политически воспитаны. Меч, занесенный над их головой, теперь — защитник в этом увереи — отведет твердая рука пролетарского правосудия. Тем более что своим предварительным заключением они достаточно искупили свою вину.

Ольшанский, также защищавший группу молодых людей, рассматривал их как жертву религиозного об-

мана, того обмана и гипноза, в котором держала верующих старая церковь. На старую церковь защитник смотрит весьма отрицательно. Она прогнила в своих основаниях, и теперь от нее осталось лишь пустое место.

Бобринцев-Пушкин дал блестящий анализ психологии толпы. Для нее не нужно искать агитаторов; настроения ее создаются внезапно, под воздействием различных случайных причин, и эти настроения взаимно заражают, превращаются в своего рода эпидемию. Для толпы фанатиков церковные сосуды — не просто материальная ценность, а святыня. И к их вере нужно все-таки относиться с уважением. Они создали свой храм, как магометане и язычники, как атеисты создали свой, основанный на этическом кодексе. Подсудимые — верующие. За это в Советской России не судят, а контрреволюционных целей в их действиях нет.

В порядке реплик обвинитель Красиков отмечает, что церковь нельзя рассматривать, как нечто отжившее, и к ней нельзя относиться почтительно, как к старине. Ни у нас, ни на Западе церковь не является областью археологии, а борется в союзе со старым миром против всего нового. Церковная иерархия не безбрежное море, как говорит Жижиленко, а правильная организация, спаянная единством подчинения и дисциплины.

Защитник Гурович повторяет доводы защиты и настаивает на лояльности подсудимых перед Советской властью.

Глава восьмая

Последнее слово подсудимых.— Приговор

4 июля подсудимым предоставляется последнее слово, выслушанное в глубоком молчании. .

Первым встает митрополит Вениамин:

— Народ судит меня во второй раз. Первый раз я предстал перед народным судом пять лет тому назад, когда в Петрограде происходили выборы митрополита.

Тогда собралось несколько тысяч рабочих и крестьян — тех, которые послали вас сюда судить меня.

Несмотря на то, что я не был официальным кандидатом и не был угоден ни правительственным, ни высшим церковным кругам, они избрали меня.

После этого я все время работал при Советской власти, причем всюду, куда я ни являлся, куда ни приезжал, вначале власть меня встречала подозрительно, но когда узнавала, отношения резко менялись. Представители власти убеждались, что я не враг народа, не враг народной власти.

Митрополит приводит несколько примеров, подтверждающих эту мысль, и продолжает:

— Теперь меня судят во второй раз представители народа. Я ни в чем не виноват перед теми рабочими, которые вас, судьи, послали судить меня. Я аполитичен, живу только интересами церкви и народа и во всем исполняю веления Господа. Не виноваты и другие. Здесь старались выяснить вопрос, был ли подсудимый Бычков на собрании у Аксенова. Перед раскрытой могилой призываю имя Божие и заявляю: не был.

Каков бы ни был ваш приговор, я буду знать, что он вынесен не вами, а идет от Господа Бога, и что бы со мной ни случилось, я скажу: Слава Богу.

Митрополит осеняет себя крестным знаменiem и садится.

Подсудимый Новицкий свое последнее слово, в котором он заявляет о своей невиновности, о том, что он никогда не был врагом народа, предателем его и изменником, чему доказательством служит вся его жизнь и деятельность, кончает просьбой, обращенной к Революционному Трибуналу:

— Если все-таки нужна жертва в этом процессе, возьмите мою жизнь, но пощадите остальных. Хотя после меня и останется 14-летняя девочка...

Ковшаров вспоминает, как во время своей адвокатской практики ему приходилось выступать в военных судах, когда он как защитник, отстаивая жизнь подсудимых перед суровыми, непреклонными судьями, исполнителями воли власти, требовал строгого соответствия между преступлением и наказанием. Здесь также приходится говорить о том, что грозящее наказание никак не может находиться в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение. Общественный обвинитель Смирнов неодиократно называл нас здесь лжецами, лицемерами, обманщиками. Но он нас должен бы был назвать сумасшедшими, если бы мы вздумали начать войну с Советской властью с целью ее свержения с армией баб и подростков. И это после того, как эту власть не могли свергнуть вооруженные организованные армии Колчака, Деникина, Юденича, поляков.

Разбирая доводы обвинения, Ковшаров свое последнее слово кончает заявлением:

— Для братской могилы в 16 человек материала для обвинения мало.

Подсудимый Елачич заявляет, что он также не может принять на свой счет обвинений в измене и предательстве народа. Во всей своей жизни он не знает моментов, когда он выступил бы против народа, против рабочих, интересы которых для него были особенно дороги. Суд уже знает о его работах по расследованию ленинских событий. Он спокоен за свою участь, знает и сознает свою правоту.

Профессор Бенишевич заявляет, что он с большим

интересом и с большим сочувствием выслушал речь обвинителя Смирнова. Он слушал ее и в то же время думал о тех погибших дарованиях и талантах, которые в прежнее время при прежних условиях царского режима не могли пробить себе дорогу, встать на свой путь. Он не сомневается, что, будь эти условия иными, Смирнов добился бы не только образования, но и «высшего образования», о котором он здесь так много говорил, быть может, он сделался бы талантливым ученым, профессором и, быть может, также вместе с нами, профессорами, выслушивал бы упреки в измене и предательстве.

Подсудимый говорит о своей ученой деятельности, которой он отдал всю свою жизнь, и отмечает странную иронию судьбы: 25-летие этой деятельности ему пришлось встретить на скамье подсудимых и иметь среди своих обвинителей своих учеников.

Ни по каким предъявленным ему статьям он виновным себя не признает.

Священник Чуков говорит:

— Последнее слово — последняя правда. И вы, судьи, должны верить этой правде и этому слову. Ведь перед смертью лгать нельзя, нельзя осквернять уст своих ложью.

В приписываемых ему преступлениях он виновным себя не признает. Он не делал ничего преступного, а делал, что мог, для общей пользы. В вопросах об изъятии он спокоен, ибо Казанский собор, настоятелем которого он был, дал в пользу голодающих 125 пудов ценностей.

— Единственно, что меня заботило, это оставить своим детям честное, незапятнанное имя, и я его таким оставляю. Жаль, конечно, детей, но если нужно, я встречу смерть спокойно.

Священник Зенкевич. Личное горе — потеря любимого человека, бросившего в меня семена религии, светлая память о нем заставили меня надеть рясу. И неужели только эта ряса сделала меня врагом народа? Нет, я никогда не был его врагом, ни в чем себя не

чувствую виновным ни перед ним, ни перед вами.

Епископ Венедикт (Плотников) также заявляет о своей невиновности. Но если придется умереть, он встретит смерть как верующий.

Священник Чельцов отмечает, что он один из первых 32-х, поставивших себе целью обновление церкви. В преступных деяниях он не участвовал и не мог участвовать.

— Мне уже 52 года, мне смерть не может быть страшной. Жаль семерых детей, тяжело сознание, что умру невиновным, но обвиненным.

Священник Богоявленский вспоминает время своего служения в Крестах и свои отношения с политическими заключенными:

— Я им как священник, конечно, был не нужен, но я им был нужен как человек, и я знал, что мое сочувственное отношение, моя забота о них и небольшая посильная помощь им дорога, и они ее ценили.

Он также заявляет о своей невиновности.

Подсудимый Огнев опровергает утверждение Красницкого, что члены Правления принадлежали к кадетской партии.

Архимандрит Сергей (Шени) говорит, что ему будет поставлена и ставится в вину его принадлежность к фракции националистов в Государственной Думе. Но он в Думе не занимался политической борьбой, а работал исключительно в церковной комиссии. Монашество он принял не для того, чтобы скрыть под клобуком свое политическое прошлое, а по своим религиозным убеждениям; никакой борьбы с Советской властью не вел, вел только борьбу с самим собой. Смерть он встретит спокойно, зная, что она, как и все,— от Бога.

Правом последнего слова воспользовались все подсудимые, в котором они заявляли о своей невиновности.

Революционный Трибунал объявляет прекращение судебных заседаний и удаляется на совещание для постановления приговора.

Совещание продолжалось около суток.

5 июля здание филармонии было закрыто до 3 часов; публика впускалась к вечеру, только после тщательной проверки входных билетов, вместе с документами, удостоверяющими личность. Образовался огромный хвост.

К моменту вывода подсудимых большой зал филармонии был наполнен публикой. В 8 ч. 55 м. выходит Революционный Трибунал.

Председатель Яковченко оглашает приговор, чтение которого занимает 45 минут.

Постановление Трибунала сводится к следующему:

В течение 20 дней Революционный Трибунал рассматривал дело по использованию легальной церковной организации (Правление Общества православных приходов) в контрреволюционных целях, агитации против изъятия церковных ценностей, противодействия и сопротивления изъятию таковых ценностей и похищению их. Исходя из материалов предварительного следствия, доводов представителей обвинения, защиты, показаний свидетелей и самих обвиняемых, Трибунал установил:

Казанский (он же митрополит Петроградский Вениамин) совместно с Правлением приходов православной русской церкви, в лице его активной группы — председателя Правления Новицкого, членов: Ковшарова, Елачича, Чукова, Богоявленского, Огнева, Шеина, Плотникова, Чельцова, Бычкова и Петровского — в контакте директив, исходящих от патриарха Тихона, явно контрреволюционного содержания, направленных против существования рабоче-крестьянской власти, поставили себе целью как проведение этих директив, так и распространение идей, направленных против выполнения Советской властью декрета от 23 февраля с (его) г (ода) об изъятии церковных ценностей, с целью вызвать народные волнения в осуществлении единого фронта с международной буржуазией против Советской власти.

Рабоче-крестьянская власть, исчерпав все имеющи-

еся у нее ресурсы помощи голодающим, издала 23 февраля 1922 г. декрет об изъятии церковных ценностей, не затрагивая при этом религиозных чувств верующих.

Но отдельные представители высшего духовенства: патриарх Тихон, митрополит Вениамин, при участии представителей буржуазного класса, чаяния конх лежал в борьбе всего капиталистического мира против Советской власти, проникнувших в церковные организации и принимавших сан священнослужителей или монашества, вели контрреволюционную деятельность на территории Российской Республики.

После издания постановления ВЦИК от 16 февраля 1922 г. об изъятии ценностей патриарх Тихон, митрополит Вениамин и др. князья церкви, следуя зарубежным директивам, вступили на путь борьбы с Советской властью.

Фальсифицируя канонические правила церкви, использовали религиозные предрассудки масс и пропагандировали идею сопротивления Советской власти в проведении постановления ВЦИК.

Издавая свои воззвания, посланные в ультимативной форме к властям и рассчитанные на возбуждение масс, распространяли их среди широких слоев верующих, для этой цели пользуясь, с одной стороны, иерархическим построением церковной власти, а с другой — организациями верующих.

Таким образом создали условия, трудные для выполнения решения рабоче-крестьянской власти в ее стремлении помочь голодающим Поволжья, и параллельно привели к явному сопротивлению, закончившемуся пролитием крови и смертью рабочих, крестьян и красноармейцев, как это имело место в Шуге, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Москве и др. местах республики, а также в Петрограде.

Воззвание Тихона от 15 февраля с. г., обращенное «Ко всем верующим чадам российской православной церкви», по своему содержанию призывало массы к возмущению против изъятия церковных ценностей. Это обращение патриарха не только получило одобрение со

стороны митрополита Вениамина, но было последним преподано как директива высшей церковной власти.

При поддержке Тихона Вениамина совместно с Правлением приходов православной русской церкви вырабатывал способы противодействия рабоче-крестьянской власти в проведении декрета, с каковой целью созывались специальные собрания Правления, принимались решения и вырабатывались послания в комиссию Помгола и исполком, причем таковые распространялись среди приходов, а последними и духовенством приходов — среди прихожан.

Вся эта деятельность привела к беспорядкам, происшедшим в Петрограде с конца февраля с. г. В период этого времени в целом ряде церквей имели место публичные скопища, собиравшиеся с погромами целями, причем скопища таковые сопровождались учинением насилия, избиением и нанесением тяжких поранений отдельным представителям Советской власти.

В частности, виновность Казанского (Вениамина), Новицкого, Ковшарова, Богоявленского, Чельцова, Елачича, Чукова, Огиева, Шеина, Плотникова, Бычкова и Петровского установлена в том, что они совместно с митрополитом Правлению приходов православной церкви придали характер деятельности, поставившей себе целью борьбу с Советской властью, обратив таким образом Правление указанной активной группы в боевой штаб, действующий на основе директив, выработанных в духе послания Тихона, для чего и действовали всяческими способами.

На основании вышеизложенного упомянутую активную группу в лице Казанского, Новицкого, Ковшарова, Елачича, Чукова, Плотникова, Богоявленского, Огиева, Шеина, Чельцова М. — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять¹⁵.

Бычкова и Петровского лишить свободы с применением строгой изоляции сроком на три года, Парийского — на пять лет, Кедринского, Союзова, Акимова и Иваиовского — на 3 года, Никольского, Флерова, Никиташина, Дьяконова, Виноградова, Ориадского и

Левитского — к принудительным работам без содержания под стражей сроком на 2 месяца, Борисова, Пешель, Соколова С., И. Королева — на 2 года строгой изоляции; Сенюшкина, Изотова, Антонова, Козениова, Высокоостровского, Киселева, Касаткина, Жаброва, Федорова, Гусарова, Ананьева, Беззаборкина, Смирнова Ф. и Смирнова Я. лишить свободы на 6 месяцев; Гурьянова, Пестову, Перепелкина, Кудрявцеву А. и Кудрявцеву Е., Черняеву — тоже на 6 месяцев, но условно; Дмитриева от наказания освободить, Петрову и Корчагину — на 7 дней принудительных работ без содержания под стражей; Толстопятова, Ливенцова — строгой изоляции на три года; Ляпунова лишить свободы на 6 месяцев, но условно; Яиковского и Зальмай — на 3 года строгой изоляции; Дубровницкого и Емельянова — к принудительным работам на 3 месяца.

Бенешевича, Зинкевича, Карабниова, Комарецкого, Тихомирова, Закржевскую, Кравченко, Филатова, Абдамова, Козьмодемьянского, Соколова А., Миронова, Попова, Чельцова П., Островского, Низовцеву, Пилкину, Власову, Позднякову, Бобровского, Соустова, Савельеву, Дымского, Герасимова и Травина считать по суду оправданными.

Срок наказания осужденным к лишению свободы и принудительным работам считать со дня их ареста.

Судебные издержки возложить на осужденных за круговой их ответственностью.

В отношении бывшего патриарха Тихона возбудить уголовное преследование.

Дело священника В. Семенова за смертью прекратить.

Приговор был встречен аплодисментами.

При слове «расстрелять» с кем-то в зале случилась истерика...

Подсудимые выслушали приговор спокойно. На их скамьях была тишина.

Председатель тотчас же вызывает на середину зала оправданных, осужденных условно и тех, чей срок

тюремного наказания по приговору покрывается предварительным заключением, и объявляет их освобожденными из-под стражи.

Затем Трибунал удаляется.

Охрана просит очистить зал.

После приговора

Приведение в исполнение приговора было приостановлено по распоряжению ВЦИК, который затребовал весь материал в Москву.

Защитой в отношении всех обвиненных была принесена кассационная жалоба. Кроме того, кассационная жалоба была подана от всех защитников первой группы; от приговоренных к высшей мере наказания и от к двух-трехлетнему заключению были поданы индивидуальные кассационные жалобы.

Одновременно родственникам осужденных к расстрелу были возбуждены ходатайства о помиловании.

Защита поддержку кассационных жалоб поручила профессору Жижиленко.

14 июля на собрании петроградского духовенства, на котором присутствовало 84 человека, был заслушан доклад заместителя председателя Высшего церковного управления протонерея Красницкого о поступившем от преосвященного Николая архиепископа Петроградского и Гдовского ходатайстве за осужденных Революционным Трибуналом.

Собрание постановило:

1) Не входя в рассмотрение по существу, но доверяя приговору Революционного Трибунала о бывшем митрополите Веннском и вместе с ним об осужденных священниках и мирянах, изблеченных в том, что во исполнение требований бывшей высшей церковной власти, авторитетом своего церковного сана, они участвовали в контрреволюционных деяниях врагов русского трудящегося, умирающего от голода наро-

да — присоединяется к мнению архиепископа Петроградского о необходимости наложения самого строгого наказания по церковному суду на всех обличенных в контрреволюционной агитации, в сокрытии церковных ценностей и прочих политических преступлениях.

2) Находит необходимым, чтобы во всех случаях, когда священнослужители будут изобличены в контрреволюционных преступлениях, до приведения приговора в исполнение, они должны быть судимы судом церковным и подвергнуты церковному наказанию.

3) Просить Высшее церковное управление ходатайствовать перед гражданской властью о смягчении приговора над теми лицами, которые будут осуждены церковным судом и подвергнуты церковному наказанию.

Примечания

Печатается по рукописи, хранящейся
в ЦГАЛИ СССР (ф. 1208, оп. 1, ед. хр. 54),
с сохранением особенностей стиля автора

¹ Веннамин (Казанский В. П.), митрополит Петроградский и Гдовский. Род. в 1874 г. в семье священника Олонецкой епархии. Окончил Петрозаводскую Духовную семинарию, в 1897 — С.-Петербургскую Духовную академию. В 1895 пострижен в монашество, в 1896 рукоположен в иеромонаха. В 1897 — преподаватель Священного Писания в Рижской Духовной семинарии, в 1898 — инспектор Холмской Духовной семинарии, в 1899 — инспектор С.-Петербургской Духовной семинарии, в 1902—1905 — ректор Самарской Духовной семинарии в сане архимандрита. С 1905 — ректор С.-Петербургской Духовной семинарии. 24 января 1910 хиротонисан во епископа Гдовского, викария С.-Петербургской епархии. После всенародного избрания верующими Петрограда возведен 6 марта 1917 г. в сан архиепископа Петроградского и Ладожского. 13 августа 1918 г. на Всероссийском Поместном Соборе возведен в сан митрополита Петроградского и Гдовского. Расстрелян в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

См.:

Церковные Ведомости, 1910, № 24, с. 263

Церковные Ведомости, 1911, № 50, с. 416

Церковные Ведомости, 1914, № 12, с. 96

Церковные Ведомости, 1917, № 35, с. 295

Приложение к ЦВ 1910, № 5, с. 208

Приложение к ЦВ 1914, № 25, с. 1122

Приложение к ЦВ 1918, № 5, с. 200

ЖМП, 1959, № 11, с. 39

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Харьков: 1900, с. 1412.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 год. Ч. II. (Машиннопись), Куйбышев: 1966, с. 118—120.

Состав Священного Православного Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1917 г., с. 28—29

² И. М. Ковшаров, бывший присяжный поверенный, юрисконсульт Александро-Невской Лавры. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

³ Ю. П. Новичкин, профессор уголовного права Петроградского университета, председатель Общества объединен-

ных петроградских приходов. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

⁴ Н. А. Елачнч, бывший действительный статский советник, секретарь Правления православных приходов, преподаватель военно-броневой автомобильной школы. Приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. Погиб в 1933 г. на Беломорканале.

⁵ Н. К. Чуков, настоятель Казанского собора, ректор Богословского института. Постановлением ВЦИК приговор к расстрелу был заменен тюремным заключением. С сентября 1942 г. — епископ Саратовский, затем архиепископ Псковский. С 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский. Скончался 5 ноября 1955 г.

⁶ Венедикт (Плотников), епископ. Родился 25 октября 1872 г. 1893 — окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию и определен псаломщиком Петрозаводского кафедрального собора и учителем пения Духовного училища. 15 августа 1894 г. — рукоположен во священники того же собора. 1902 — окончил Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. 1902—1907 — священник Петербургской церкви убежища слепых. 1907—1918 — законоучитель и настоятель церкви Петроградского Павловского женского института и законоучитель разных учебных заведений. 1918—1919 — настоятель Кронштадтского Никольского морского собора. 1919—1920 — ключарь Исаакиевского кафедрального собора. 15 августа 1920 — пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. После осуждения (приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен затем тюремным заключением) и тюремного заключения с февраля 1924 г. управлял Ленинградской, а с 25 октября 1924 — и Олонецкой епархиями. С 18 декабря 1925 — епархией не управлял. С 1931 — управляющий Вологодской епархией, но именуется епископом Кронштадтским. 4 апреля 1933 — возведен в сан архиепископа. С 16 июня 1933 — архиепископ Вологодский. С 5 октября 1933 — архиепископ Новгородский. В августе 1936 — уволен на покой. 7(20) декабря 1936 — архиепископ Казанский и Свияжский. С февраля 1937 епархией не управлял, с мая 1937 — уволен на покой. Скончался в июне 1937. Место погребения неизвестно.

См.:

ЖМП, 1931, № 1, с. 5

ЖМП, 1933, № 16—17, с. 9

ЖМП, 1936, № 23—24, с. 1

Газ. «Правда» от 4 июня 1924 г., статья «Право на фирму»
Вестник Священного Синода, 1926, № 7, с. 5—6
Митрополит Мануил (Лемешевский). Цит. ист., с. 98—106

⁷ М. П. Чельцов, настоятель Троицкого собора. Приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. После нескольких лет заключения вернулся к своей пастве. Вновь арестован и расстрелян в конце 1930 г.

⁸ Л. К. Богоявленский, настоятель Исаакиевского собора.

⁹ М. Ф. Огнев, профессор Военно-юридической академии, сенатор Временного правительства.

¹⁰ Архимандрит Сергей (Шени В. П.), бывший член Государственной Думы. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

¹¹ Яковченко Н. И. — как и Семенов, бывший студент Петербургского Технологического института, обоим — чуть больше двадцати лет. Каузов — бывший помощник механика на военном судне. Семенов и Каузов командированы в Трибунал из органов ЧК. Смирнов и Краснов были присланы из Москвы и фактически вели процесс. Смирнов до революции был подмастерьем у булочника, а после революции «талантливый самоучка» и агент ЧК был назначен председателем Московского совета народных судей. Краснов — бывший петроградский присяжный поверенный, являлся заведующим одного из отделов Комиссариата внутренних дел. Крастин — «латышский стрелок», бывший помощник первого комиссара юстиции Стучки, начальник следственного отдела Петроградской юстиции. Дранницын до революции был преподавателем истории в петроградском привилегированном закрытом учебном заведении для благородных девиц, статский советник. После революции переменял ультраправые убеждения и стал членом партии большевиков.

¹² Введенский Александр Иванович (1888—1946) — видный деятель церковно-обновленческого движения. Учился в Петербургском университете и Духовной Академии. С 1914 г. — священник; в 1924 г. — «митрополит» обновленческой церкви. Оси. соч.: Церковь и государство. М.: 1923; Церковь патриарха Никона. М.: 1923.

Об инциденте, происшедшем в здании филармонии, Введенский год спустя вспоминал в своей книге: «Я в начале июля подвергаюсь нападению нафантазированной духовенством женщины. Я получил рану булыжником в череп и пролежал несколько недель в постели» (Прот. А. Введенский. Церковь и государство, с. 250).

¹³ Антоний (Храповицкий) (1863—1963) — глава Рус-

ской Зарубежной Церкви. Окончил Петербургскую Духовную академию и пострижен в монашество в 1885 г. Ректор Московской Духовной академии (1890—1894), Казанской Духовной академии (1894—1900). Епископ Уфимский (1900—1902), Волынский (1902—1914), архиепископ Харьковский (1914—1917), митрополит Киевский и Галицкий (1917). Один из трех кандидатов на Патриарший престол на Соборе 1917—1918 гг. Покинул Россию в 1920 г. Возглавил Русскую Зарубежную Церковь (1921—1936). Умер в Белграде. Подробнее см.: Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Под ред. архиепископа Никона (Рябичко). В 17-ти тт. Нью-Йорк, 1957—1971.

¹⁴ Гурович Я. С. — бывший присяжный поверенный, был приглашен организацией Красного Креста и другими общественными организациями Петрограда для защиты на суде митрополита Веннамина. Гурович понимал историческое значение этого процесса в истории России и Русской Церкви и его смущало, что он, как еврей, может повредить ходу судебного процесса, вызвав на себя нападки антисемитски настроенных сил. Но митрополит Веннамин из заточения сам попросил Я. С. Гуровича о защите, и сомнения были рассеяны.

¹⁵ Митрополит Веннамин, архимандрит Сергей, И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий были расстреляны на станции Пороховые по Ирнинской ж. д. Боясь волнений в Петрограде, большевики распустили слух, что осужденных увезли в Москву. Перед казнью были обриты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать духовных лиц.

Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 31 октября 1990 года под председательством Меркушова А. Е. приговор Петроградского Революционного Трибунала от 10 июня / 5 июля 1922 года и определение кассационной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК от 26 июля 1922 года в отношении [далее перечислены фамилии осужденных. — *Ред.*] отменены и уголовное дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. (См.: Наука и религия, 1991, № 5, с. 5—9.)

Оглавление

Предисловие	3
От автора	9
Глава первая	
Сущность обвинения.— Послание патриарха Тихона и письма митрополита Вениамина.— Правление Союза православных приходов.— Обвиняемые	10
Глава вторая	
Зал судебных заседаний.— Трибунал.— Обвинение.— Главные и второстепенные персонажи.— Публика.— Кулуары.— Толпа у дверей суда.— Столкновения и аресты	16
Глава третья	
Допрос митрополита Вениамина.— Допрос подсудимых первой группы	24
Глава четвертая	
Допрос остальных подсудимых.— Хищение ценностей в институте глухонемых.— Изъятие в церквях: при консерватории, при больнице и др.— Обвиняемые в беспорядках	40

Глава пятая	
Допрос свидетелей	48
Глава шестая	
Речи общественного обвинения	54
Глава седьмая	
Речи общественной защиты.—	
Реплики сторон	64
Глава восьмая	
Последнее слово подсудимых.—	
Приговор	80
После приговора	88
Примечания	90

В 1991 году
в Библиотеке «Российского Архива»
выходят следующие книги:

**Митрополит Антоний
(Храповицкий)
О ПУШКИНЕ**

ТРАГЕДИЯ БЕЛОЙ АРМИИ

К. Н. Леонтьев

ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО

КАТЕХИЗИС РУССКОГО МОНАРХИЗМА

ПЕСНИ И МАРШИ

РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

СКОРБЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

**И. А. Ильин
О РОССИИ**

Сдано в набор 24.04.91 г. Подписано в печать 26.07.91 г.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 1163. Цена 2 р. 50 к.

«Российский Архив» (Издательство и склад)

103001, Москва, Малый Козихинский пер., 11

Тел.: 299-06-19; 299-14-60

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР.
197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

Выходит в свет новый альманах
«Российский Архив», выпускаемый
издательским отделом Студии «ТРИТЭ».

АЛЬМАНАХ

продолжает традиции русских
исторических журналов, в первую очередь
«Русского Архива» П. И. Бартенева;
публикует исторические источники,
хранящиеся в государственных архивах
и личных собраниях;
знакомит всех ревнителей
отечественной старины с первоисточниками,
помещает в своих томах
только неопубликованные документы;
публикует документы без изъятий,
с сохранением особенностей оригинала;
стремится внести свою лепту в дело
восстановления объективной картины
русской истории.

Студия
«ТРИТЭ»
творческо-производственное
объединение
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
